

*Моим правилом было пытаться
победить больше себя, нежели фортуна,
и изменить мои желания,
а не мировой порядок.*

Рене Декарт

Ж

аркий июльский день склонился к закату только близ одиннадцати вечера. Казалось Николаю Андреяновичу, что вернулся он после долгой отлучки на родной Север, за Полярный круг, а солнце, повиснув над горизонтом, ниже не опустится и будет светить всю короткую ночь.

За день, устав бороться с тридцатиградусной жарой и духотой неподвижного воздуха, он перевозбудился, а потому и не помышлял о сколь-либо скором отдохновении-сне, поэтому все продолжал сидеть на балконной табуретке своего четвертого этажа. Здесь, на высоте, хоть и слабыми, но порывами налетал ветерок — предвестник ухода дня и вступления в свои права ночи. И бабки их подъезда, что плотно усеяли две скамейки *tete-a-tete*, тоже не думали о сне. Этих бабок он наблюдал уже четверть века, а супруга, жившая в этом доме с детства, говорила: смело прибавляй к этой четверти еще лет пятнадцать, не ошибешься... Причем бабки все одни и те же.

Если уж бабки, не помяните свой возраст, в такой поздний вечер не спят, то что говорить о молодых? Особенно старших школьников и студентов. Они если и заснут, то только к утру. Дом Николая Андреевича стоит прямо напротив центрального парка, поэтому до двух-трех часов ночи со свистом, гомоном, дурашливыми девичьими взвизгами туда-сюда мимо окон и балконов движется нескончаемая чередой молодежи. И так все лето день ото дня.

С другой стороны — куда в наше время деваться летом основной массе этих подростков, юношей, просто молодых людей студенческого возраста? «А мы в свое время куда девались?» — задал он себе вопрос. Действительно, еще какие-то пятнадцать-двадцать лет тому назад на летние месяцы город пустел: в парке одни пенсионеры прогуливались, а на улицах только в часы пик наблюдалось некоторое оживление — спешили на работу и с работы те несчастные, что не удостоились летнего отпуска.

А где же остальное население? Правильно, в Крыму, в Сочи, на худой конец в гостях у родственников на Украине и Кубани. Дети при них. А ребята, оставшиеся в городе, все поголовно в ближних и дальних пионерлагерях. Студенты разъехались по всей стране на летнюю практику. Вот и весь нехитрый расклад.

Сейчас про Крым, Сочи, Украину и пионерлагеря все ясно... Но ведь и студентов перестали посылать на практику: не на что и некуда, все предприятия страны на издыхании, не до практикантов им! А в его, Николая Андреевича, времена летняя двухмесячная практика воспринималась как награда за учебный год монотонных лекций, зубрежки, лотереи экзаменов... Наконец, это месяцы самой что ни есть коллективной жизни — особенно (на старших курсах) в предчувствии скорого расставания. А нынешние... они и не сдружились даже.

Вспомнив о практиках, Николай Андреевич заулыбался, вошел в комнату, отыскал в дальнем верхнем углу стеллажей маленькую книжку «Фразеологический словарь удмуртского языка», раскрыл ее на обложечном развороте, где слегка выцветшими чернилами им же была написана тридцать пять лет назад фраза: «*Кышном-уртлэн-комэндэнт у Сарапул лекын эн вера*»¹. Фразу эту он наловчился составить из словосочетаний словаря.

Все так же улыбаясь, поставил книжку на место, закурил и снова вышел на балкон. Воспоминания нахлынули теплой волной — теплее уходящего июльского дня.

Ближе к концу третьего курса Николая как-то отловил на перемене куратор их группы Лев Петрович:

— Понимаешь, сейчас в деканате составляют списки распределения на технологическую практику. У нашего факультета традиционно заключены на этот год договоры с рядом предприятий. Тебе, как старосте группы, следует до конца этой недели всех своих опросить, ибо желание учитываться... по мере возможности, конечно.

— Лев Петрович, а каков, собственно говоря, выбор?

— Три завода в районных городах области, пара НИИ в Москве, завод «ВЭФ» в Риге, в Ленинграде Конструкторское бюро имени А.С. Попова, Сарапульский радиозавод. Это куда формируются группы. Есть и несколько мест, где берут одного или двух. Я сам уже пятый год езжу ру-

¹ Баба-комендант в Сарапуле пусть не поминает нас лихом (*удмурт.*).

кводителем практики в Сарапул — это в Удмуртской республике, недалеко от Ижевска, на Каме. Кстати, туда самая большая группа набирается: восемнадцать человек, но можно и двадцать. У тебя коллектив дружный, а места на Каме замечательные. Если сам не против, то постарайся костяк сделать из своих, а то и всей группой. Подумай и действуй. Список мне в субботу с утра отдашь.

В субботу, после первой лекции, Николай зашел в преподавательскую кафедры конструирования радиоаппаратуры, дождался куратора и отдал список из девятнадцати фамилий. Лев Петрович, улыбаясь двумя рядами золотых зубов, хотя и был старше Николая всего на шесть-семь лет, список прочитал и прокомментировал в том смысле, что состав одобряет:

— Та-ак, чертова дюжина твоих, то есть наших с тобой, шесть из других групп потока... О-о! И староста шестьдесят третьей группы? Значит, вас двое старост будет. Это хорошо в смысле дисциплины, хотя в списке сколь-либо буйных нет. Понятно, что ты будешь старшим по практике с соответствующим официальным утверждением по деканату и учебному отделу института. Не против? Ну и славненько, особых хлопот это тебе не доставит, я там все и всех знаю; первую и последнюю десятидневки буду с вами, так сказать, привезу и увезу. Хотя нет, зарпортовался: я приеду в Сарапул дня на три раньше, чтобы решить все вопросы, а уеду на столько же позже — оформить документы и прочие бюрократические дела.

— А в промежутке? — нескромно любопытствовал Николай и покраснел. Но Лев Петрович, уже озабоченно ворошивший бумаги на своем столе, неловкости ситуации не заметил:

— А в промежутке у меня другая практика — ознакомительная, здесь в городе, как у вас после второго курса. Ну, мне пора на лекцию, тебе тоже. Буду держать в курсе.

Выходя из преподавательской, Николай расслышал обращенные к самому себе слова преподавателя тихой скороговоркой: «Две практики, три практики... Вот стану доцентом и тоже лето в Крыму буду проводить...»

Список короткий, но мытарился с ним староста шестьдесят первой группы целых три дня. Больше всего возни выпало на собственных подопечных, ибо шестьдесят первая из всего потока в сто тридцать студенческих душ являлась самой женской: на 2/3 состава. Как еще ни малоопытен был Николай в практической жизни, но уже хорошо усвоил: когда дело доходит до выбора, то буриданов осел, по сравнению с женщиной, девушкой тож, есть образец четкой логики и однозначности. Так и здесь получилось, да и не могло быть иначе. К пятнице он понял: предложи девушкам шестьдесят первой поехать на практику в Париж или Нью-Йорк, то и тогда они засомневаются. По причине врожденной женской подозрительности.

«Когда тройбанов в сессию нахватают, так всем скопом навалятся: ты староста, ты о коллективе должен заботиться... иди в деканат и требуй стипендию! — злобно думал Николай. — Здесь они никаких сомнений и колебаний не выказывают. Тьфу!»

В момент скорбных раздумий к нему подошел староста шестьдесят третьей группы Витька Честнин, ранее уже пожелавший ехать в Сарапул с пятью своими согруппниками. Как сын сельского милиционера, он отменно разбирался в тонкостях женского характера:

— Послушай, Коль, не горячись и береги невосстанавливаемые нерв-

ные клетки. В Ригу, Москву и Питер теплые компашки уже сформированы, списки отданы в деканат и одобрены самим Юрием Степановичем. В районную глушь твои девки не поедут — сами оттуда. Так что перед последней лекцией объяви: все, дескать, несую список декану, последние пять минут на раздумье. Мигом поуменьют.

Так Николай и сделал: десять девиц с ходу запросились да двое ранее колебавшихся ребят. Впрочем, колебались они именно из-за своих подруг... Группа была сколочена, правда, опять, как и в родной шестьдесят первой, на 2/3 женским составом. Николай вздохнул облегченно и обреченно в то же время: судьба у него такая. Главное — его подруга еще с первого курса Лена едет.

Кстати, о «парности». Уже непосредственно перед отбытием на практику Николай узнал в деканате, что теперь их двадцать один, то есть «очко»: не попав в Ригу, к сарапульцам приписалась сладкая парочка из их группы: Сережка Петлицын и Галка Селиверстова, намеревавшиеся сразу после окончания практики пожениться. Оба очень хозяйственные, потому и рвались в Ригу — закупить тамошнего замечательного трикотажа.

«Всякому делу начало голова!» — гласит (так или примерно) якобы народная мудрость; на самом деле Николай, как человек начитанный, знал: это библейская фраза, в эту самую фольклорную народную мудрость перешедшая... Начало он положил хорошее. Утомившись за три года ежемесячно получать стипендию на группу, опасно нося при себе сумму за полтыщи, отыскивать профессиональных прогульщиков, редко появляющихся на занятиях, Николай назначил заведующим финчастью экспедиции Ленку (не подругу, другую) Столярову. Профорг группы, девушка видная и любящая покомандовать, она с удовольствием согласилась. Кстати, на втором курсе она пробовала организовать заговор с целью удаления Николая из старост. Но деканат не признал новую старостиху, восстановив *status quo*...

Но дальше не заладилось. Поссорившись по пустякам со своей Ленкой, Николай демонстративно все три с половиной часа пути на электричке от Т. до Москвы простоял в тамбуре, глядя на пейзаж за окном. Он думал, с перерывами на анекдоты, когда кто-либо из своих ребят выходил покурить.

Никогда он не сочинял стихов, но тут что-то нашло: всю первую половину дороги — до Серпухова — в голове его, без всякой черновой проработки и поиска рифм, разворачивалась эпическая поэма, самого поражающая стройностью, соподчиненностью глав, строф и выраженной фабулой. Сюжетом тож. К сожалению, не обладая стихотворной памятью, сразу после Серпухова он начисто забыл поэму, даже ее сюжет. Остался и долго держался в голове только сопутствующий музыкальный ритм: тревожно волнующий, зовущий в неизведанное, но в то же время по-юношески оптимистичный. Был он абсолютно трезв.

Забегая вперед, скажем: еще два-три раза молодого Николая, а затем и повзрослевшего Николая Андреевича внезапно, без видимой существенной причины, торопясь по своим делам, случайно задевала своим крылом муза. И всегда это была эпическая поэма, сочинив которую, он тут же ее напрочь забывал. Оставался только сопутствующий музыкальный рефрен. Но опыт невольного стихотворчества не остался втуне, ибо Николай Андреевич усвоил очень важную вещь, которая впослед-

стви — при личном общении — помогала ему отличать поэта от рифмоплета: первый помнит все свои стихи наизусть, второй же декламирует их с листа. Здесь исключений не бывает; это как лакмусовая бумажка. А вот прозаика от графомана отделить сложнее, ибо здесь нелепо требовать от автора изустно знать свой текст; нет рифмы, организующей канву запоминания...

После Серпухова поэтическая муза, испугавшись зачумленного дымящими трубами индустриального Подмосковья, отлетела прочь. Да и обида на порою зарывающуюся подругу притупилась. Захотелось в вагон к ребятам — уже через тамбурную дверь доносилась гитара на трех аккордах, освоенных в стройотряде прошлого лета Сашкой Демущкиным из шестидесять третьей группы. Но гордыня обособившегося в высоких страданиях требовала стоять на своем, то есть на тамбурном полу, до самой столицы.

Как человек эмоций и дисциплины ума одновременно (это как лед и пламень у поэта), Николай решил систематизировать, что он знает о Сарапуле, одном из тысяч малых городов страны. Оказалось, не так уж и мало. Например, о Гусь-Хрустальном он знал только одно: там варят хрусталь. А о Кинешме, например, вообще ничего не ведал.

Получив перед практикой стипендию сразу за все лето, Николай основательно порылся на полках старых книг в букинистическом магазине, что рядом с *Т-и м* кремлем. Среди купленных раритетов оказался и учебник по географии Российской империи для гимназий и реальных училищ 1887 года издания. В разделе «Вятская губерния» об уездном городе Сарапуле сообщалось: *«Не в далеком расстоянии от уездного города Сарапула находится упомянутый уже Камско-Воткинский железодельный и механический завод, а также Ижевский оружейный»*.

Это было уже много, поскольку кроме Сарапула в разделе упоминалась только Елабуга, а про остальные восемь уездных городов и вовсе ничего не сообщалось. Ижевск же, нынешняя столица Удмуртии, и вовсе поминался только в связи с Сарапулом. То есть получалось, что всего лишь восемьдесят лет назад этот камский город в огромном крае размером с Францию был вторым по значимости после Вятки, а по промышленности и купечеству вовсе первым.

Одним из любимых писателей Николая (по наущению отца) являлся Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. Понятно, что знал он не только изучаемые в школе сказки великого сатирика, но в старших классах запоем прочитал десять с гаком томов его полного собрания сочинений в характерных кремовых обложках. Читая последние тома с публицистикой, тогда еще юный Николка натолкнулся на упоминание о странном городе Сарапуле, который Михаил Евграфович избрал для своего язвительного пера. Выдающийся обличитель темных сторон русской жизни писал о прикамском «типичном уездном городке с полным царством купцов и чиновников» — в том смысле, что здесь все холодно и бесстрастно. Не звучат сердца и струны, вообще отсутствует всякая жизнь. Особенно мучительно здесь по вечерам: улицы с темнотой пустеют, а мертвая тишина озвучивается только лаем цепных псов...

Да-а, печальную картину нарисовал самый беспокойный чиновник Российской империи высокого ранга. Поэтому уже и в советские времена имя его осталось пугалом для городских и областных властей. Когда к

юбилею писателя решили наконец-то поставить ему памятник, то все города, где начальствовал Щедрин, включая и Т., в коей Михаил Евграфович служил председателем казенной палаты, и соседнюю Калугу, и многие другие (нигде долго по своему беспокойному характеру чиновник-литератор не задерживался), заняли глухую оборону. Градоначальники хорошо понимали: даже в бронзе обличитель бюрократии и казнокрадства будет им немым укором. В итоге памятник поставили в Калинин; по всей видимости, в свою бытность в Твери Салтыков-Щедрин пребывал в лирическом, незлобивом состоянии. Может, роман у него там случился.

...А Сарапул и в советское время продолжал наводить грусть-тоску. Николай как-то прочитал в центральной газете фельетон о выпускниках столичного вуза, всячески уклоняющихся от распределения в провинцию. В качестве заголовка опуса о гражданской безответственности автор переименовал классика с его «в глушь, в Саратов», заменив название приволжского города на прикамский. Понятно какой — по созвучию.

Но наиболее часто Сарапул поминался в школьном учебнике истории периода гражданской войны. Получилось, что уездный город волею судеб оказался центром сражений новой и старой властей. Каждый раз, как легендарный командир Железной дивизии Азин освобождал город то от мятежных эсеров, то от колчаковцев, сам Ленин слал ему правительственные телеграммы, которые и цитировались в учебнике. Вообще говоря, фигура Владимира Мартиновича Азина (судя по отчеству — из латышских стрелков) — знаковая для колчаковского фронта, самого опасного для советской власти в период гражданской войны. Ленин, Калинин, Крупская называли комдива наиболее выдающимся, отчаянно смелым военачальником Восточного фронта. Кстати говоря, сама Надежда Константиновна встречалась с Азиным в Сарапуле, возглавляя бригаду агитационного парохода в 1919 году...

Николай был стопроцентно уверен: служи комиссар Фурманов в Железной дивизии, а не в соседней Чапаевской, то и знаменитый фильм был бы посвящен Азину. Как все в истории зависит от малого и стечения обстоятельств!

Другой знаменитый персонаж из учебника истории, чье имя связано с Сарапулом, знаменитый революционер, командующий Волжской (она же и Камская) военной флотилией Федор Федорович Раскольников, имя которого чаще вспоминают в связи с его отношениями с пламенной революционеркой Ларисой Рейснер, кстати, тоже бывавшей в Сарапуле. Именно он отбил у колчаковцев «баржу смерти» вблизи города на Каме, где ожидали смерти полтысячи сарапульских большевиков и красноармейцев.

Из современной же окружающей жизни о Сарапуле Николаю постоянно напоминали стоявшая дома стиральная машина «Кама», внешне похожая на керосиновую бочку, и внушительного вида ламповый приемник «Урал-110». А в каждой легковой машине веселился уже не ламповый, а транзисторный приемник высокого класса «Урал-авто». Все это сделано в Сарапуле.

Уже проехали Подольск, а Николай подвел итог: не так уж и мало он знает о городе на Каме...

Вышел в тамбур перекурить Сашка Демускин, хотя и из другой группы радиотехнического потока, но давний приятель Николая.

— Все страдаешь, — хмыкнул Сашка, ибо причина полуторачасово-

го состояния старшего в тамбуре уже была секретом полишинеля, — страдай, страдай... как Киса Воробьянинов, ха-ха!

— А вы все веселитесь? Смотрю, портвешку с Данькойхватили, да? Разве можно так напиться на рубль?

Сашка, действительно, тут же признался, что с одноклассником Данькой, то есть Димкой Прасолом, пригубили по стакану ординарного портвейна в компании с абсолютно непьющим Честным. А постоянное цитирование Ильфа и Петрова только-только вошло среди студентов в моду, ибо в это время все периферийные издательства скопом начали издавать сотысячными и более тиражами известные книги об Остапе Бендере. Кстати, сам Николай прочел их только в прошлом году. В школьные его годы Ильфа и Петрова издавали скупо, особо не популяризовали — очевидно, памятуя («Лучше перебдеть, чем недобдеть», — старинная чиновничья присказка) четвертьвековое забвение Госиздата.

Еще в детстве Николай не раз слышал от отца о книге Ильфа и Петрова, которую тот читал в далекие тридцатые годы. «Эх, — вздыхал Андрейн Матвеевич, проснувшись светлой летней ночью и выйдя на кухню покурить, обращаясь к Николке, читающему толстенный том Гюго, — тебе бы Ильфа и Петрова почитать. Вот повеселился бы от души!»

Николка, раззадоренный отцом, как-то обратился к старушке-библиотекарше Глафире Сергеевне, благоволившей к активному читателю полярной районной библиотеки. Та заулыбалась, но сочувственно развела руками:

— Понимаешь, Николай, в шестидесятом, кажется, году в Москве издали пятитомное собрание сочинений Ильфа и Петрова. Я и сама не успела его перечитать, как попался он на глаза тоже нашей постоянной читательнице, супруге гарнизонного начальника. Она и взяла первые два тома: «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». А вскорости мужа ее перевели в Севастополь, она же вернуть книги «забыла». Страшное, Николай, это дело — библиофильство по-научному. Человек иголки чужой не возьмет, сам тебе чем может от души... А вот книгу библиотечную или добрых и давних знакомых присвоить, так это за милую душу. На, вот, возьми том с «Записными книжками» Ильи Ильфа; там многое перекликается с романами о Бендере.

Обрадованный Николка осмелел, хотя тут же и смутился:

— Глафира Сергеевна, а может, у вас эти книги собственные есть? Мне бы на день-другой, я аккуратно...

— Были, и даже первые издания, прижизненные, — загрустила старушка, — да все в ленинградскую блокаду пропало, сожгли, верно, в буржуйках. Я ведь в эвакуации с самого начала войны находилась. А вернулись когда — голые стены, даже обои на растопку ободрали.

Досадуя, что разбередил душу почтенной библиотекарши, Николка пошел домой с темно-синей книгой под мышкой.

«Записные книжки» с его цепкой юной памятью Николка почти что наизусть заучил. Уже третьекурсником читая роман о Великом комбинаторе, он понял смысл предисловия ко второй книге романа: « — Как мы пишем вдвоем? Да так и пишем вдвоем. Как братья Гонкуры. Эдмонд бегаёт по редакциям, а Жюль стережёт рукопись, чтобы не украли знакомые». А в зарубежных радиоголосах сбежавшие на Запад диссиденты и прямо злословили: дескать, книги Ильф писал, а Петров через своего именитого в литературных кругах брата Валентина Катаева обеспе-

чивал издание двухмысленным в то время книг. Как писали Гонкуры, про то почему-то никто не задумывался.

И еще тогда, читая «Записные книжки», понял Николка смысл названия воровского языка: «ботать по фене». Понятно, что этот жаргон родился в Одессе с ее смешанным, пришлым населением, портовыми биндюжниками и прочим деклассированным народом. А оттуда он пошел-покатился по всей России. Главное в фене даже не словечки из южного говора и идиша, но изменение их содержания. Но еще с начала XIX века ярославские и тверские разносчики-торговцы, именовавшиеся офенями, между собой говорили на непонятном для остальных языке-перевертыше.

Поэтому, когда с начала века двадцатого воры и шпана Хитрова рынка заговорили на одесском жаргоне, православный народ, помня офеней, и этот жаргон стал называть феней; так проще говорить, ибо с первым «о» надо еще вздох в себя сделать; мораль: все нововведения от лени... Так и говорили богобоязненные москвичи, возвращаясь с рынка: дескать, ворья там развелось, а между собой по фене ботают. Слово же «ботать» — чисто русское, северного наречия, что-то вроде «лопотать».

Очень юный Николка гордился своим лингвистическим открытием. ... — Пойдем, там портвешок еще остался, — предложил докуривший Сашка, — или принцип будешь выдерживать?

Николай досадливо махнул рукой, сам себя чувствуя последним идиотом. Но — назвался груздем?..

От сладостных воспоминаний Николая Андреяновича отвлек телевизор; супруга увеличила громкость. На балкон вырвался голос Газманова: «Я рожден в Советском Союзе, сделан я в СССР!» Николай Андреянович вошел в комнату и молча нажал пару раз на кнопку пульта; Газманов запел потише. Зато на соседний балкон вышли покурить сосед, врач-психиатр, с гостем — гуляли по малой. Сосед поприветствовал отмашкой руки, а разгоряченный гость, тоже врач, продолжал монолог:

— ...Куда мне в заведующие отделением! У нас не работу конкретную ценят, а всякие побрякушки. А молодые, особенно бабенки, все вдруг в науку ударились. Вот в гинекологическом отделении одна, правда, красивая стерва, диссер защитила на тему «Диагностическая значимость применения препарата «Болюсы хуато» в патологии преждевременных родов». Каково звучит?

— Постой, постой, Авдеич. Что за бред?

— Бред — он и есть бред. А пищевая добавка эта очередная — «Болюсы хуато» — маленькая упаковка триста целковых стоит. Вот тебе и значимость: врач эту бурду кому ни попадя прописывает, а аптекарь ему процентовку отчисляет. А ты бизнесом еще не балуешься?

— У меня психи, социально значимые пациенты. За них и платить-то некому. Пошли, а то водка скиснет!

Развеселившись разговором подгулявших эскулапов, Николай Андреянович в контексте услышанного еще больше заухмылялся. Уже в поезде «Москва — Ижевск» он зашел в соседнее купе, где разместились трое ребят из его группы. По какому делу? А кто вспомнит тридцать пять лет спустя... Комсорг Славка Старокрещенов и Генка Новомиров резались в подкидного на двоих, а Петлицын задумчиво изучал солидных размеров том в темно-зеленом переплете с въевшейся пылью. Надо полагать, она лежала в библиотеке невостребованной лет десять.

Петлицын пришел к ним в начале второго курса, перевелся из пре-

стижнейшего МИФИ²; выше него, и то не намного, котировался только МФТИ³. Причину такой метаморфозы Серега объяснил по своему почину, не дожидаясь любопытствующих вопросов: «Не мог совладать с университетским курсом высшей математики. Ее в том же МГУ пять лет учат, а у нас... то есть в инженерно-физическом, на нее вместе с другими дисциплинами два курса отводят. Как вспомню «оператор гроссманиана в гильбертовом пространстве», так сразу хочется заснуть и проспаться сутки!»

На третьем курсе его захомутала и почти довела до ЗАГСа Галя Селиверстова, а от нее по причине доверительной женской болтливости узнали и истинную причину: Серега вообще ревностно относился к своему (отменному) здоровью — родители-учителя правильно воспитали, а выпускников МИФИ очень даже часто призывали на флотскую службу и назначали на атомные подводные лодки инженерами-физиками. Были такие должности: в полувоенном костюме, но без погон. А поскольку в те годы лодки одна за другой — на страх американскому империализму — соскальзывали со стапелей Северодвинска и Комсомольска-на-Амуре, то вероятность флотской карьеры все возрастала... А боялся Петлицын не самой службы под полукилометровой толщей океанской воды, но радиоактивного облучения — со всеми неприятностями для мужского организма и достоинства.

«Никак Серега вспомнил старое и взял в дорогу основополагающий труд по теоретической физике», — уважительно подумал Николай и подсел к несостоявшемуся физику-ядерщику. Тот, не отрываясь от чтения, молча показал обложку старосте. На ней потускневшим золотом были отгиснуты трудночитаемая фамилия автора и двухсантиметровыми буквами краткое название: *«Туляремия»*.

— Это что за зверь? — изумился Николай.

— Не зверь, а тяжелое инфекционное заболевание...

Видно, и самому Петлицыну надоело читать академический медицинский труд, поэтому он вступил в разговор, из которого выяснилось следующее. Серега, как парень осанистый и любивший основательно порассуждать, пользовался расположением молодых преподавателей. А с Львом Петровичем их связывало и косвенное землячество: Серега родом был из шахтерского поселка Бруснянский; родители его и сейчас там проживали. А у Льва Петровича жена оттуда же приехала в Т., окончила заочный финансовый институт и вышла замуж. Более того, супруга преподавателя училась в одной школе (их в поселке и было-то две) с Петлицыным, где его отец директорствовал, а мать преподавала биологию и химию.

Разговаривая с ползуемляком об особенностях жизни в Сарапуле, Серега все более выпытывал у «классного папы» о санитарных условиях жизни в тех местах. Лев Петрович хвалил чистый город, почти чистую полноводную Каму, лес, вплотную подступающий к жилым микрорайонам.

— ...Только вот всяких грызунов, мышей и крыс в городе, ондатр в камских ручьях и протоках следует поостеречься. Уже третий год среди них эпизоотия туляремии. При укусе человеку передается.

— А что, это опасное заболевание?

— Вполне. Иногда и не вылечивается, но даже если и вылечить, то последствия для здоровья скверные; главное, у мужиков и вовсе способность насчет детей иметь того...

² Московский инженерно-физический институт.

³ Московский физико-технический институт.

На огорченном лице Сереги читалось: что за жизнь? То атомное облучение, а теперь и туляремия — и все на бедных мужиков от них напасти. Посоветовался с Галкой. Та слегка побледнела и велела проработать вопрос по литературе. Академический труд по этой болезни он купил в букинистическом магазине, не пожалев два с полтиной.

Лев Петрович перед своим отъездом подробно объяснил Николаю и Ленке Столяровой — начальнице финчасти экспедиции — их маршрут, проверенный им неоднократно. А зная день их выезда из Т., он встретит группу на сарапульском вокзале. Еще он созвонился с отделом кадров радиозавода имени Серго Орджоникидзе и обрадовал своих подопечных: жить они будут с комфортом в новопостроенном общежитии. Там все готово к заселению, но комиссия пока не приняла: больно быстро строили и не успели обустроить двор и подъездные пути. «Поскольку студенты полноправными людьми не полагаются, — вольнолюбиво похохатывал Лев Петрович, — то летом в общежитии будут жить практиканты, причем все, которые прибывают в город. Так что компания у вас веселой будет!»

Лев Петрович, проведя организационное собрание, еще раз — уже публично — рассказав про туляремию и повышенный процент сифилиса среди молодых работниц многочисленных предприятий города, укатил в Сарапул. А через три дня и группа тронулась.

И в поезде полтора суток ехали с комфортом; опять же воспользовались советом куратора: институт оплачивает купейные билеты; не принимаются только документы об авиаперелетах и плавании по рекам, озерам, морям и океанам, если до конечного пункта можно доехать по железной дороге. «Хотя, — мечтательно заметил педагог, — теплоходы Камского пароходства до Москвы ходят; когда-нибудь и мы туристами сделаемся...»

Николай, памятуя редкие, но меткие нравоучения своего дядьки Илизара Варфоломеича, бывшего полковника НКВД, что между собой и непосредственными подчиненными надо держать хотя и крохотную, но дистанцию — для объективности оценки их качеств и поведения, поместился в купе с тремя «чужаками» — единственными представителями мужской части шестьдесят третьей группы: Демущкиным, старостой Честниным и Данькой. На время путешествия он объявил полный сухой закон. Слегка огорчился только Данька Прасол, любитель молдавского ординарного портвейна, будучи компатриотом этого напитка, то есть молдаванином русского разлива. После второго стакана он именовал себя румыном. (Сейчас, вспоминая те давние времена — а с нынешним Данькой они работали в соседних отделениях НПО «Меткость», — Николай Андреевич заухмылялся: раз-два в неделю на телеэкране записной юморист Миша Задорнов рассказывал свой анекдот про Молдавию суверенную: «А чем сейчас занимаются молдаване? — А ничем; гордятся тем, что они румыны»).

Не хуже Сереги Петлицына Николай на верхней полке читал взятую в институтской библиотеке «Теорию электромагнитного поля» академик Ландау и профессора Лифшица; Честнин с румыном Данькой также на радиотехнические темы беседовали, а Демущкин скрашивал долгий путь игрой на гитаре. Особым успехом пользовалась исполняемая на трех аккордах новая песенка Визбора про двух капитанов КГБ, летящих за орденами в Душанбе. Народ расслабился в предвкушении неких событий и экзотик.

Экзотика началась с предпоследней перед Ижевском узловой станции Агрыз, где они покинули комфортные купе и пересели посреди темной ночи в местный поезд на Сарапул. Мало того, что на перроне самой станции светил только один фонарь, так и в дощатых вагонах поезда, покрашенных в пассажирский зеленый цвет, электричества не полагалось, а в обоих концах вагона над дверями в тамбур проводник повесил по «летучей мыши».

— А что? Хороший поезд, — невозмутимо пояснил седоусый проводник на вопрос об электричестве и отсутствии титана для кипятка. — На нем еще мой отец-машинист в тридцать втором году делегацию Коминтерна возил в Сарапул. Окна только не открывайте — дыма от паровоза наволокет в вагон. А чай ночью пить вредно для здоровья. Ну, располагайтесь, студенты. Вишь, местные-то уже по лавкам залегли, третьи сны смотрят, а я в соседний вагон на тормозную площадку пошagal...

Рассевшись по лавкам, сколоченным из брусков — наподобие парковых, *студенты* задумались: а что делать до утра? В окна смотреть — так темень, как в угольной яме. В подкидного играть еще в ижевском поезде прискучило, а тут еще не то что в полутьме, так в какой-то четверть-тьме, в 1/8-тьме. В одном отсеке девицы под руководством Ленки Столяровой затянули тихую песню каторжной тональности. Личную компанию Николая с примкнувшим комсоргом Старокрещеновым и Генкой Новомировым несколько утешил Данька: за считанные минуты пересадки он сумел отыскать ночью на станции Агрыз бутылку «огнетушитель» местного портвейна. По всей вкусовой видимости портвешок изготовили прошлой осенью из перегнивших яблок, слив и всего прочего, что списали на районной овощебазе. Но — во-первых, в такой ситуации и политура мадерой покажется, во-вторых, в темноте цвет напитка неразличим.

Однако на первом же полустанке, традиционно для этих мест освещенном единственным фонарем, обстановка разрядилась: по крыше вагона затопали, загрохотали, а когда поезд тронулся, то и вовсе заиграли на гармошке плясовую.

— Это кто ж там такой? — настороженно спросил у торопливо проходившего по вагону проводника Честнин.

— А это петэушники с окрестных деревень после выходных в Сарапул возвращаются. Теперь на каждой остановке, как грачи, крыши облепят. А с ними и шпана всякая малолетняя — в город на заработки.

— Как же они... на крышах-то?

— Чего им будет, если только самогоновки не перепьют. Иногда и падают, да все как-то мягко. Верно говорят: малому да пьяному бог ладошку подставляет!

Уже без проводника Витька Честнин, обычно невозмутимый, восхитился:

— Здесь жить — в кино ходить не надо... двугривенные можно экономить и в голову фарфорового котенка с прорезью опускать на черный день. А я все думал: где это киношники фильмы про беспризорников и мешочников двадцатых годов снимают? Теперь ясно.

Плясовая на крыше сменилась блатными наигрышами с народной критикой политики партии и правительства. Несмотря на паровозный дым, окно все же открыли по причине духоты. А с крыши ясно несло уже хоровое: «...Справа молот, слева серп — это наш советский герб. Хочешь жни, а хочешь куй — все равно получишь...» Но вместо матерного окончания заводила-частушечник дурашливым фальцетом выкрикивал: «Рубль!»

Честнин, как человек трезвого образа жизни и не терпевший нецензурщины, вновь восхитился:

— А ведь чем дальше в глубинку, тем нравы чище. В нашей вот деревне при девках, да и при взрослых тоже, частушки с мат-перематом орут. Правда, никто их и не одернет.

Данька, сын прокурора пригородного района, заухмылялся, но мнения своего не обнаружил. А Николай, потомок староверов, как всегда подвел научную базу:

— Между Волгой и Уралом, то есть в здешних лесных местах, со времен Киконова гонения старообрядцы сюда стекались. Они и до сих пор тут кой-где живут. Но, даже обмирщившись, матерной брани на дух не переносят, и других, которые из никониан, к тому приучили. Вот все это в народе, даже водкой, воровством, атеизмом и прочим испорченном, отчасти и сохранилось.

Данька опять заухмылялся, сознательный атеист Честнин кивнул согласно головой, а Сашка Демущкин уже спал, обняв гриф гитары; его три аккорда с гармошкой явно не могли тягаться. На грани ночи и раннего летнего рассвета Николай тоже с полчаса вздремнул, сгруппировавшись на жестком сиденье не хуже парашютиста перед приземлением.

Дремал он чутко, вполудья, отчетливо различая бормотанье Даньки, сон к которому после агрызского пойда не шел вовсе: «Вот чертова муза странствий позвала в глухомань...» Понятно, что он искаженно цитировал из первоисточника, то есть из Ильфа и Петрова.

Соответственно обстановке и некомфортному спальному месту сон случился сумбурным и малопонятным. Снились большие удмуртские хороводы на сарапульских площадях: статные молодки и парни в цветастых национальных одеждах пели протяжные народные песни на неизвестном Николаю языке, а парни иногда выходили в круг и соло отплясывали русского.

Национальную одежду он помнил еще со школьных северных времен. Учебу в десятом и одиннадцатом классах Николай совмещал по вечерам с работой дежурным электромонтером в гарнизонном Доме офицеров флота, куда его устроил отец для получения трудового стажа: в шестьдесят шестом году ожидался двойной выпуск в школах — заканчивался хрущевский эксперимент (слизанный обезьяннически с Америки) с одиннадцатилеткой. А трудовой стаж гарантировал поступление в институт, хотя Николай и был почти отличником.

По обязанности же своей в Доме офицеров он почти каждый вечер сидел в оркестровой яме и смотрел очередной концерт гастролеров по Северному флоту. Случались и концерты знаменитых солистов и ансамблей, но чаще Госконцерт засылал народные хоры песни и пляски, невостребованные в столичных и университетских городах; особенно часто приезжали в Полярный хоры из поволжских многочисленных автономных республик.

К середине второго года работы Николай, опоздав к началу концерта (перегоревшие лампочки заменял в многочисленных комнатах и коридорах флотского храма искусств) и не зная родину поющих и пляшущих, через пять-десять минут уже определял: этот ансамбль из Саранска — в рубахах с характерным мордовским узором, а вот этот хор явно чувашский. Но и ему далеко было до слесаря-водопроводчика Петьки Смагина, проработавшего здесь полтора десятка лет: тот с первого взгляда мог от-

личить музыкально-танцевальные коллективы из Сыктывкара, и Коми-пермяцкого национального округа, хотя национальность артистов одна и та же. Да, велика была страна Советская!

Так вот, в полусне-полуяви путешествующего Николая на сарапульских площадях хороводили в подлинных народных костюмах. Иногда хоровод расступался, а через площадь и наискосок скакали конники азинской дивизии: в очередной, уже забытый ими по счету раз освобождали город от неприятеля. Рядом, в воротах радиозавода имени Серго Орджоникидзе, красовался в полной зимней вахтерской униформе их куратор Лев Петрович, сверкая недавно вставленными золотыми зубами...

На этом интересном моменте Николай проснулся от толчка вагона, а седоусый проводник, выглядывая из тамбура, громко объявил: «Просыпайтесь, товарищи студенты. Вот и Сарапул!» Действительно, уже совсем рассвело, а на перроне, прямо перед их вагоном стоял Лев Петрович в легкомысленной майке с рисунком яхты и улыбался. Золотые его зубы прямо-таки сверкали в лучах низкого еще солнца.

Ступив на перрон, Николай посмотрел на крышу: петэушников там не наблюдалось, равно как и по всему составу.

— А куда эти архаровцы делись? Неужто все же самогонки обожрались?

— Да нет, — хмуро ответил так и не заснувший Данька, — тут при въезде на станционные пути паровоз наш притормозил, товарняк пропускает, а они горохом и посыпались. Здесь-то дорожная милиция.

А Лев Петрович уже пояснял подопечным:

— Это новый город, в низине, поскольку тут речка Сарапулка в Каму впадает, а наверху старый город; туда нам и топать в гору. В вагоне ничего из вещей не забыли? Тогда в колонну по двое и — пошли!

Николай же усмотрел на дальних путях странную картину: козловый кран поднимал с открытых платформ стоявшего там состава металлических контейнеры и по одному опускал их в кузова грузовиков. «Наверное, с грузами для заводов», — решил он, недоумевая, правда: почему в этих контейнерах имеются маленькие зарешеченные окошки?

Формально еще в ижевском поезде помирившись с Леной, Николай теперь пожинал плоды миролюбия, таща в бесконечную гору свой небольшой чемодан и малоподъемную сумку подружки. С такими сумищами женщины одинаково едут в командировку и в эвакуацию... Самое интересное, что, поднявшись в старый город на высоком камском берегу, они и дальше шли в гору. Лев Петрович разъяснял: транспорт в городе вообще-то имеется, но маршруты его своеобразные, им не по пути. А до революции здесь и трамвай ходил.

Уже миновав будущий родной радиозавод, на траверзе здания общезжития, которым и заканчивался город в этой части, колонне пришлось свернуть с доселе пустовавшей улицы на обочину: их обогнала колонна грузовиков с давешними металлическими контейнерами, украшенными решетчатыми окошками. Рядом с шоферами сидели солдаты с автоматами.

— Мд-а-а, — заметил Данька, много знавший от отца-прокурора, — таким манером очень серьезный контингент до лагеря доставляют. А лагерь-то здесь рядышком, должно быть.

Все замолчали, а Лев Петрович, оставив обстоятельный разговор с Петличыным, поравнялся с Николаем и сообщил: звонили вчера в заво-

доуправление из их института и велели срочно выехать в Т. — что-то не ладилось с практикой у второкурсников.

— ...Значит так. Через пару недель я вернусь, но уже буду с вами до конца практики, позагораю хоть на Каме. На заводе я все дела решил. Сегодня-завтра отдохните, акклиматизируйтесь, а далее ты иди в отдел кадров к заместителю начальника; он все знает, оформят вам пропуска, инструктаж проведут и по цехам распределят. В общежитии будете не одни: вчера под вечер приехали медички из Ижевска и группа из Кировского политеха, но они на электрогенераторном заводе практику проходят. Это где электрокары выпускают; понятно, что основная продукция — по другому ведомству. А вот и комендант на крыльцо вышел, нас дожидаясь. Кстади, земляк, родом из Т. — отставник по интендантству, именуется себя ветераном войны.

Новенькая пятиэтажка общежития одной своей стороной смотрелась на спускающийся к Каме город, а другой — вплотную соприкасалась с еловым лесом, росшим сплошняком отсюда и до самого Ижевска.

В общежитии Николай не поменял сложившуюся компанию, заселившую комнату о четырех кроватях. Не успели расположиться и задуматься о ближайших планах, как по второму этажу, отведенному практикантам всех мастей и специальностей, прошлась посыльная уборщица, скликаемая на собрание в холле, но уже этажа ниже.

Та же уборщица, позорительно посмотрев на собравшуюся толпу в полсотни с лишним студентов, с почтительным стуком вошла в комендантскую, а через пять минут, выждав дисциплинирующую паузу, вышел к народу и сам комендант: типичный отставник в чине не выше подполковника, а скорее и майора. Настолько типичный, что и сказать о нем нечего; каждый этот типаж хорошо знает, кто хоть раз в жизни имел дело с общежитиями, отделами кадров, ЖЭКами, спортивными организациями и военрукми средних школ.

Поглаживая аккуратные зачесанные на затылок редкие волосы, комендант, увидев вольно стоящих студентов, сменил дежурную улыбку на военно-пехотную суровость:

— Та-а-к, товарищи студенты, чтобы нам было удобнее общаться, прошу построиться в каре вдоль трех стен холла. Справа — шеренга моих земляков, слева встанут практиканты из Кирова, а напротив меня и входной двери — ижевские медики. Ибо дисциплина в армии и в гражданской жизни начинается с построения.

Разобрались, несколько спутав «право» и «лево», на что комендант, назвавшийся Леонидом Никифоровичем, кисло улыбнулся, даже похвалил земляков и кировских политехников:

— Сразу видно, что у вас на военных кафедрах строевой подготовкой хорошо занимались!

Николай, скосив глаза вправо, засмотрелся на медичек; особенно ярко красивы были татарки... поэтому вводные слова коменданта пролетели мимо. Рассказав о том высоком доверии, которое руководство радиозавода оказало практикантам, первыми поселив их в свежепостроенном здании, комендант как-то сразу перешел к правилам пользования туалетами:

— ...Как показал мой долгий армейский опыт, в том числе и боевой, оправка бойцов и гражданских лиц есть немаловажный фактор личного здоровья и общественного благоустройства. Даже на фронте было принято: оправившись в дальнем конце траншеи или окопа на специально вы-

деленную старшиной роты саперную лопатку, боец выбрасывал экскременты из окопа — и непременно в сторону врага!

Вам, понятно, этого делать не следует, но оправку следует производить в следующей последовательности: обязательно смыть за собой из унитаза, использованную бумагу аккуратно уложить в имеющуюся в каждой кабине проволочную корзину, а уходя, оставьте дверь приоткрытой на одну треть, чтобы следующий за вами посетитель не гадал: занята кабина или пустая...

Изумление слушателей достигло апогея, требовалась разрядка установившейся было гробовой тишины. Загоготали грубые вятские ребята, медички потупились, а Данька вполголоса произнес с прокурорской четкостью: «Как встретишь где-нибудь мелкого начальника родом из Т., так обязательно идиот!»

Николай же, залюбовавшийся было самой яркой и высокой татаркой из Ижевска, покраснел до корней волос: как в душу плюнули и растерли плевков сортирной шваброй. С этой минуты он полностью и безвозвратно возненавидел коменданта.

Витька Честнин при первых словах туалетной части лекции вытащил из нагрудного кармана рубашки блокнот и начал записывать; он любил фиксировать всякие словесные кунштюки. Однако и комендант заинтересовался стенографией солидного студента с армейской прической «полубокс»:

— Товарищ! Вы-вы, в белой рубашке и в черных брюках. Вы что-то записываете?

— Так точно. Конспектирую вашу речь.

— А-а с какой целью?

Пока Витька обдумывал четкий и правдивый ответ, из Кировской шеренги кто-то хохотнул:

— Чтобы не забыть порядок действий в случае нужды!

Комендант сделал вид, что не расслышал, но от Честнина отстал, еще раз внимательно и серьезно оглядев старосту шестьдесят третьей группы. Далее он повел речь об обязательном одиннадцатичасовом отбое, пользе утренней гимнастики, недопустимости нарушения норм социалистической морали... Но мысли Николая уже отвлеклись от милейшего Леонида Никифоровича.

Дело в том, что он завидовал Витьке, ибо и сам любил всякие словесные выверты и мудрые мысли, но никак не мог завести вот такую книжицу для записи их. Зимой он носил водолазный свитер из верблюжьей шерсти, с полдюжины которых привезли с Севера, пиджак надевал только на экзамены: радея об успеваемости своей группы, заранее изготавливал шпаргалки по всем вопросам и раздавал их по мере возникающих ситуаций. А летние рубашки мать почему-то покупала с маленькими нагрудными карманами. В карманы же брюк Николай сталелся ничего не класть: даже пачка сигарет доставляла дискомфорт. Кстати говоря, писать шпаргалки как лучший способ усвоить материал перед экзаменом, а заодно помочь товарищам, он полагал своим изобретением...

А от зависти-ревности к записной книжке собрата-старосты мысли плавно перешли и к самой, несколько странной фамилии ее обладателя. Под мерный голос коменданта, рассуждавшего сам-один о недопустимости половой распущенности, преступных временных сожительствах и разгуле сифилиса в среде молодых рабочих и работниц местных заводов и фаб-

рик, Николай сделал очередное открытие. На этот раз в области ономастики — науки об именах собственных.

Исходное положение теории Николая — соответствие фамилии (отчасти и имени, но по другой причине-следствию) характеру человека, ее носившего. Взять вот старосту шестьдесят третьей группы Виктора Честнина, так абсолютное соответствие! Всегда честен до щепетильности, хотя и не дурак: в глаза правду-матку не режет, в необходимых случаях лучше промолчит. Не потому что опасается дурных последствий для себя лично, но не хочет ставить в неудобное положение глущего. То есть Витька не просто правдолюбец, честный человек, но и тонко чувствующий гуманист. По его скупым рассказам о родичах — таков же по характеру отец, сельский милиционер. Потому и пьет горькую. Сам Витька, глядя на батяню, капли в рот не берет, смеется на дружеские уговоры: дескать, во хмелю буйствую, весь кайф вам испорчу.

...И теперь, вспоминая то лучшее лето юности минувшей, уже взрослый и насмотревшийся в жизни Николай Андреевич не разочаровался в давней теории. Сколько он ни встречал людей с фамилией от слова «честь», все они чем-то напоминали Витьку Честнина. Но только не женщины, тем более что все они имели такую фамилию по мужу.

...А тогда юный Николай перебирал фамилии тех, кому хорошо знал. Вот Данька Прасол, молдаванин... тьфу-тьфу, конечно, румын по отцу-прокурору, то есть имеет фамилию по профессии: прасолами в Южной России, Малороссии и Бессарабии, где проживали молдавские румыны, называли скупщиков сельхозпродукции, возчиков соли. А в старину соль являлась дефицитом почище нынешних дубленок и пыжиковых шапок-ушанок, поэтому прасолы составляли отдельную торговую касту. На эту работу брали людей положительно-трезвых, основательных, нескандальных и с могучим здоровьем. Таков и Данька: осанистый, широкоплечий, с окладистой бородой, словом — вполне взрослый мужик в двадцать лет. Хотя и не трезвенник, особенно в части молдавского портвейна и румынского ванильного рома, которым собратья по СЭВ⁴ завалили всю страну. Так ведь пьет, да не пьянеет, только веселым становится и на память цитирует целые страницы из одесских классиков, то есть из первоисточника.

Демушкин он и есть Демушкин: человек и фамилия, которые сразу повышают настроение. А тут еще и гитара, пусть с тремя аккордами; бардовские песенки и Высоцкий большего музыкального изыска и не требуют.

Петлицын, Новомиров, Старокрещенов-комсорг... Все на своих местах и в полном соответствии с рядовыми фамилиями. Великое дело наследственность!

...Тонкий армейский педагог, Леонид Никифорович под конец своей речи рассказал пару приличных анекдотов-былей из местной жизни. Когда народ слегка расслабился, комендант вдруг посуровел:

— При малейших нарушениях режима буду сообщать в письменной форме руководству ваших институтов. Все, прошу разойтись по взвод... то есть по своим комнатам и хорошенько обдумать сказанное мною.

В комнате Витька сел на кровать и что-то дописывал в своей знаменитой книжке. Демушкин со вздохом упрятал гитару в шкаф, ибо комендант особо неприязненно отозвался о меломанах, мешающих «заслуженно отдыхать уставшим после работы товарищам». Николай и Данька при-

⁴ Совет экономической взаимопомощи (навроде нынешнего ЕС) — *старорежимн.*

стально посмотрели друг на друга, при этом Данька разлаписто погладил осанистую бороду, а руководитель экспедиции бережно коснулся ладонью аккуратно подстриженной шотландки, после чего в унисон произнесли: «Надо бы вина выпить, отец».

— Интересно, что здешние удмурты пьют? — закрывая дверцу шкафа, спросил Демущкин.

— Да-да, — хозяйственно рассудил Витька, — с вечера макового зернышка во рту не было. А кто это полкило сала вместе с протухшей рыбой в поезд выбросил в окно?

Вопрос остался без ответа, а Николай еще раз напомнил:

— Значит, как уговорились: водка объявляется вне закона, только вино крепленое. Пошли!

Выйдя на улицу, стали ориентироваться, а Данька остановил хромого старика с палкой:

— Послушай, удмурт, где тут у вас гастроном?

— Какой я тебе удмурт? — вытаращился на него дед. — Отродясь здесь никаких «муртов» не бывало.

— А до исторического материализма?

— Я говорю: не бывало, значит, не бывало.

— Так кто же в городе живет?

— Люди проживают. Здесь, в старом городе, — русские, а внизу, в новом, — татары, что на стройки коммунизма понаехали. Нездешние вы, видать. А магазин-то вон в ближнем доме с другой стороны. Там и вино разливное продают, вишь — к одиннадцати часам народ с бидончиками подтягивается. Ну, прощевайте, ребята.

— Однако, ну и порядки здесь: вино бидончиками пьют... Где же эти самые удмурты прячутся? Пока хоть одного не найду — не успокоюсь.

— Хрен возьмешь с тарелки деньги у попа, — резюмировал Данькины размышления вслух Честнин, знавший огромное число ядерных деревенских пословиц. — Тебе же сказали: здесь наши с татарами проживают, а удмурты, наверное, со времен Ивана Грозного в лесах скрываются. А как это вы, *пьющие*, без бидончика пойло это возьмете?

— Не шути так, Дуся, у меня душа горит после знакомства с комендантом. Пошли, что ли.

Магазин оказался современным, весь первый этаж типичный «стеклянный», но только без доверия к народу, то есть без самообслуживания: справа винный отдел, прямо с входа — хлебный и молочный, а слева во всю длину — собственно гастроном.

Честнин, собрав по рублю, пошел налево за колбасой и сыром, а остальные трое завернули вправо, где уже глухо бормотала с похмелья малая очередь с одинаковыми двухлитровыми алюминиевыми бидончиками (как позднее выяснилось, их делали на местном заводе электрооборудования из отходов производства стиральных машин). Сбоку от прилавка на стене висели два объявления, любовно написанные по алфавитному графарету: «Просьба в очереди продавцу не хамничать», а пониже и помельче: «Вино разливное. Цена 1 р. 70 коп. за литр». Посмеявшись, приятели обратили взор на полки. К их изумлению, среди водочных чекушек и поллитровок, «огнетушителей» местной червивки и портвейнов стояли слегка запыленные бутылки болгарской «Тамянки». Восторгу друзей предела не было: в родной Т. «тамянка» котировалась выше всех остальных десертных болгарских вин: «Биссер», «Варна», «Шипка» и другие. Ее сразу разбирали после завоза в магазин.

Но с еще большим восторгом, граничащим с испугом (а вдруг это розыгрыш?), увидели наши экскурсанты в том же штучном отделе среди пирамидок рыбных консервов банки с дальневосточными кальмарами в собственном соку (!). Такая роскошь в их городе и вовсе в вольной продаже не замечалась. А в столице за ними мигом выстраивались стометровые очереди. Только Данька и Демущкин раза два закусывали ими пиво из пайков своих родителей, приписанных к спецмагазинам: районного прокурора и главного агронома области.

Завязалось шумное обсуждение такого невероятного события: празднование круглой годовщины основания Сарапула, ревизия из Москвы — срочно выбросили в продажу подприлавочный дефицит... договорились до ожидаемого визита в город — по пути в Ижевск или Свердловск — самого Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева.

— Да нет, просто здешний народ кальмарами брезгует, поскольку на развесные рыбу в Каме ловит, предварительно дав им протухнуть. А пить «тамянку» считается чудачеством; рабочие водку только признают, а алкоголики — разливуху.

Как по команде, троица развернулась на девичий голос: рядом с ними стояли две девушки из давешних ижевских медичек. Порядок же здешние они знали еще по практике второго курса; теперь — после пятого, предпоследнего. Познакомились: Света, в полном согласии с ономастической теорией Николая, — высокая и стройная натуральная блондинка, Галя — среднего росточка, поплотнее, но отнюдь не полная, брюнетка, тоже натуральная.

Дело принимало иной, более оптимистический оборот, менявший предыдущие планы. Впрочем, планов-то и не было. Дополнил расширенную компанию Витька, явившийся из продуктового отдела с пакетом, из которого остро пахло чесночной колбасой. С армейской четкостью представился, склонив голову с полубоксом.

«Тамянку» под кальмары совместили с поздним ужином, к сожалению, без девушек-медичек, ушедших на ночное дежурство в заводскую больницу в нижнем городе. Их суровый руководитель практики, в отличие от уехавшего в ночь в Т. добрейшего Льва Петровича, не дал им и дня отдыха. Кальмары оказались свежими и великолепными, только брезгливому Николаю досталась банка с одними щупальцами, но он ее обменял Даньке на нормальную банку за полстакана «тамянки»: все же Болгария и Румыния — ближайшие соседи и вместе пятьсот лет томилась под османским игмом...

С чувством изысканной сытости, заварив и оставив настаиваться чай (Николай чайник под расписку взял у кастелянши, которая его зауважала, — Лев Петрович представил его начальником), легли на кровати, комментируя прошедший день. А дни в детстве и юности — бесконечные, ибо человек еще учится жить, а ученье — процесс долгий.

Николай, купивший на книжном развале фразеологический словарь удмуртского языка с русским переводом, отыскал и зачитал приличествующую случаю присказку: «*Вина кылэз сэрттэ; маял кадь кудзыны кудзыны ае гуаз берытске*»⁵. Как читаются буквы, гласные и согласные с дьяточиями поверху, объяснила Галя, приехавшая учиться в Ижевский мединститут из Сыктывкара, где в школе преподавали коми-язык.

⁵ Вино язык развязывает; в доску пьян, в свою берлогу я иду (*удмурт.*).

— А ты что — удмуртка? — с загоревшейся надеждой спросил Данька, но та его несколько разочаровала: наполовину русская, а на вторую — комячка. Алфавит же у всех угро-финских народов в СССР один и тот же. Да и языки очень похожи.

Николай, с интересом листая только что купленный словарь, решил проверить; как раз на глаза попался фразеологизм — ну, прямо из первоисточника: «*Лул пыже!*»⁶ Галя чуть задумалась, улыбнулась:

— Это вроде как выпить хочется, да?

Между тем солнце, знойное в это благословенное лето, приблизилось к зениту, а девушки, как было договорено раньше, еще в магазине, заторопили новых знакомцев на пляж; впрочем, Витька, по-деревенски не любивший загорать, там же по выходу откланялся: дескать, отяжеленную колбасой, «тамянкой» и кальмарами сумку в общежитие отнести надо, потом у него сегодня по плану (а планов он никогда не менял) починить забарахливший самодельный приемничек и написать обстоятельные письма матери и «одной девушке из родного села, которая там же и проходит агрономическую практику». Когда Честнин ушел, Света с Галей полюбопытствовали насчет агрономической девушки. Данька пояснил: с девушкой этой Витька едва ли не со школьной парты помолвлен.

Кстати, стоя перед магазином и обсуждая новые планы на день, ребята изумлялись: только одиннадцать пробило, а уже подкатила вытрезвительная машина. Более того, пожилой сержант откуда-то из-за угла вывел абсолютно пьяного мужика неопределенных лет и такую же его подружку с пустым бидончиком. Баба орала, что милиционер выпил все ее вино, а теперь и в трезвиловку хочет упечь. Сержант с молодым шофером, посадив, впихнули парочку в боковую дверь, сами сели в кабину, включили зажигание. В этот момент распахнулась незапертая двухстворчатая задняя дверь, мужик с бабой соскочили на грешную землю, а «воронки» уехал порожним. Баба рысью побежала в магазин наполнять бидончик, а мужик закурил, присев на порожек. На лице Даньки явно читалось: «А не удмурт ли он?»

Уже при столь коротком по времени знакомстве с местным населением, оно, в общем-то, понравилось Николаю. Комендант не в счет, ибо здесь чужак. А что касается несколько нетрезвого поведения аборигенов, то здесь Николай всецело полагался на авторитеты двух уважаемых им писателей: англичанина Честертон (он еще и философ являлся) и соотечественника Алексея Максимовича Горького. Соответствующее мнение первого он вычитал из случайно попавшейся на глаза брошюры общества «Знание» по антиалкогольной пропаганде, но Николай прочел высказывание веселого англичанина в положительном смысле. А Честертон писал в той тональности, что вино — высшее достижение цивилизации, умеренное (а мера у всех разная!) его употребление способствует умственному и физическому здоровью, жизненному оптимизму, развивает фантазию. Поэтому неправы те фарисеи и лицемеры, которые называют пьющих людей животными: скотами, свиньями и так далее. Истинными же животными, резюмировал Честертон, являются трезвенники, как люди узкого кругозора, подозрительные, вызывающие при общении с ними тяжелую скуку.

А вот малоизвестное высказывание Горького Николай прочитал в

⁶ Душа горит! (*удмурт.*).

староризданном сборнике публицистики и писем великого пролетарского писателя, найденном им в библиотеке Дома офицеров флота Полярного, где он работал, учась в десятом и одиннадцатом классах. В библиотеке этой имелось много книг издания 20–30-х годов, когда создавался Северный флот и подводомственные ему Дома офицеров; тогда — Дома командиров флота (ДКФ).

По всей видимости, инструкции Минкультуры и идеологического отдела ЦК КПСС, а еще ранее — специальной комиссии по упорядочению библиотечного дела под руководством Надежды Константиновны Крупской, в системе Главпура⁷ силы не имели, поэтому книги старых лет издания, в том числе и дореволюционные, из флотских библиотек, не упрягивались от нескромных читательских глаз в подвальные помещения, как то по всей стране было сделано в гражданских храмах мудрости. Так вот, в этой старой книге Николай и прочел высказывание инженера человеческих душ: *«Пьяниц не уважаю, а непьющих опасуюсь»*. Уж характеры человеческие пролетарский писатель знал отменно!

Действительно, сколько ни встречал Николай, а особенно взрослый Николай Андреянович, абсолютно непьющих людей (исключая хронических больных и правдолюбца Честнина), то все они с каким-то вывертом. Еще больше насторожил его давешний врач-психиатр из соседнего подъезда. Как-то встретились они в рюмочной на углу улиц Чапаева и адмирала Колчака (бывш. Краснофлотской), разговорились, а Николай Андреянович и привел прочитанное в юные годы высказывание Горького, присовокупив мнение Честертона. А сосед, добродушно рассмеявшись, мнения литераторов одобрил: *«А вообще, батенька, можно и нужно исходить не от последствия, а от причины. Психиатрия однозначно утверждает: сумасшедшие не испытывают ровным счетом никакой тяги к спиртному, а почему? Потому что их организм этого не требует, они и так в постоянной эйфории... кайфе, по-нынешнему. Не буду вас утомлять медицинскими терминами типа алкогольной дегидрогеназы и прочее, словом, у них, страдальцев, вся ферментативная система под управлением неисправного мозга по-другому действует. Вы и сами присмотритесь к знакомым непьющим — и мотайте, батенька, на ус!»*

...Но еще будучи просто Николаем, наш герой уже подмечал странности абсолютно (не путать с принципиально, как Честнин) непьющих людей: всегда себе на уме, сверх меры подозрительны; говорят одно, думают о другом, за пазухой держат третье... С женщинами им не везет, а они суть природный индикатор на физические, а особенно на психические недостатки *vis-a-vis*.

Николай и на исторические персонажи перенес свои умозаключения: сопоставив деяния и характеры некоторых из них, он с удовлетворением поздравил себя с собственной правотой. Например, к императору Павлу Николай относился хорошо, что бы там в школьной истории ни писали. Особенно он одобрял нелюбовь самодержца к Англии и его историческое решение послать 40000 казаков для завоевания Индии. То есть в крупных делах, как достойный сын своей матери Екатерины, он четко отстаивал интересы России. Но в обыденной жизни чудил неимоверно. Такой вот даже штрих. В год рождения Пушкина Павел приказал изменить вид государственного герба, а именно: на грудь двуглавого орла возлагался огромный мальтийский крест, поскольку император принял титул вели-

⁷ Главное политическое управление армии и флота (*старорежимн.*).

кого магистр Ордена св. Иоанна Иерусалимского, а также большой геральдический щит, на котором, в свою очередь, размещаются 43 (?) маленьких щитка с гербами городов и земель, упоминаемых в полном титуле императора всея Великия, Малыя и Белые России... То есть сумасшедшинка, и немалая, в голове его имелась. И самое интересное — он не пил и другим, мягко говоря, не рекомендовал.

Все сходилось одно к одному. А вот город Сарапул Николая не разочаровал.

Заблудиться в городе даже и в отсутствие знавших его девушек было бы невозможно: все пути вели вниз, к Каме. Пройдя от общежития по Ижевскому тракту мимо памятника 62-м красноармейцам, расстрелянным колчаковцами, отныне родного завода имени Серго Орджоникидзе и далее по главной улице Горького, опять же мимо памятника Азину, наши путешественники не скрывали своего восхищения. В полный восторг их привела центральная улица, каковые они видели только в фильмах о дореволюционной России. Это была настоящая улица с бульваром посередине. Наяву нечто похожее Николай лицезрел только в Москве: Тверской бульвар. Как он догадывался, такие улицы планировали во времена уважения к пешеходу. Как только автомобиль вытеснил его с улицы, так и закончились бульвары...

Не меньший восторг вызывали крышки канализационных и иных люков и водоразборные колонки с маркой «Торнтонъ» и годами конца XIX века, отлитыми в чугуне. Заканчивалась же улица Горького спуском к прикамской набережной: масштабной копией знаменитой одесской лестницы. Методичный Николай насчитал 11 площадок, 75 ступенек и 24 лепных вазона в ограждении. Девушки похвалили его за наблюдательность.

Здание речного вокзала с пришвартованным к его причалу трехпалубным теплоходом «Композитор Глинка» и набирающей скорость, отходящей от пристани «Ракетой» окончательно покорили наших друзей; у себя в Т., загаженной заводами, на полувысохшей речке весь флот состоял из десятка прогулочных лодок. Сердце экс-моряка Николая ретиво взыграло.

Островной пляж находился у противоположного берега, отделенный от него внушительной протокой, но еще внушительнее была сама Кама: «пляжный» рейсовый катер вез их до острова треть часа. По причине буднего дня пляж был полупустой. Как мигом сообразил Николай, у каждого второго голосил приемник «Урал-авто». А Демушкин и вовсе был уверен, что приемники прямо с конвейера, а не из магазина. Что впоследствии и подтвердилось.

— Я смотрю, хотя здесь и не удмурты живут, но сугубые патриоты своей земли и города; все у них только свое: приемники, бидончики под вино... небось и «червивку» эту на местном ликеро-водочном или пивном заводах гонят...

Но здесь монолог Даньки прервала Света:

— А вот и местный колорит. Имейте в виду, что в последние годы сюда по вербовке на заводы приехало много молодежи; живут в общагах, бессемейные, а потому кривая заболеваний сифилисом и гонореей идет вверх. Скосите глаза налево, посмотрите на спину вон того чернявого в темных очках.

— А что это за синюшные пятна?

— А это и есть сифилис, люэс по-медицински, второй стадии. Если лечиться не будет, то со временем нос провалится и сухотка спинного моз-

га ожидает, — продолжила пояснение с нарочитой усталостью неофита Галя.

После таких пояснений Данька указал на совершенно пустой мыс острова:

— Вот туда пошли!

— *Кылэмдэ пелядион!*⁸ — зачитал Николай из свежекупленного словаря.

Пляжное действие продолжалось до пяти вечера. Чувство новизны волновало и переполняло восторгом душу Николая, Демушкина и даже скептика Даньку. Впрочем, и он слегка расслабился, когда Галя, проникнувшись озабоченностью симпатичного ей бородача, просила считать ее же удмурткой — по родству угро-финской крови.

— Или тебе наша Альфия приглянулась?

Все сразу вспомнили самую яркую девушку в медицинской группе, а Света, компатриотствуя подруге, заметила:

— Ребята вы, конечно, видные, и почти что из Москвы, но Альфия ведь царская невеста!

— Это как понимать в стране победившего социализма и неуклонно надвигающейся его высшей стадии? — мудрено уточнил Демушкин.

— А так и понимать: она княжна из рода Тохтамышша, а значит, и потомок самого Чингиз-хана.

Демушкин присвистнул и хотел продолжить геральдический разговор, но в это время на пляж набежала крутая волна от близко промчавшейся «Кометы», следующей из Камбарки в Чайковский, и обдала их до плеч. Теперь понятно, почему этот мыс острова пустовал... Однако это был и сигнал к купанью.

Через час пляжного пребывания Николай, выходя в очередной раз из воды, стал набрасывать на плечи рубашку, пояснив слегка заинтересовавшимся девушкам, что он родом из Заполярья и за три года проживания в средней полосе так еще и не акклиматизировался в Т., а равно и к здешнему летнему солнцу. Заодно рассказал и историю из детства, что всегда приводила в восторг слушателей.

Когда Николке повязали красный пионерский галстук, то он не только обязанности хорошо учиться и благонаравно себя вести приобрел, но и определенные права: наставлять к доброму неразумных октябрят, иметь право голоса в школьной пионерской дружине, наконец, ездить летом в пионерский лагерь. Но последней льготой поначалу он воспользоваться не мог, ибо все летние месяцы семья проводила в родной отцовской деревне Дворцы — недалеко от Калуги и на берегу реки Угры, и именно в том ее месте, где некогда случилось знаменитое «стояние на Угре» русских и татарских войск.

В этом месте рассказа Николай покосился на Даньку, но тот почему-то не спросил: на чьей, дескать, стороне стояли тогда удмурты.

...И только в последнее пионерское лето, перед вступлением в комсомол, так получилось, что в отпуск не поехали. Весной семья перебралась из барака, куда попервоначально поселилась после переезда с маяка в город, в отдельный финский домик на улице матроса Сивко. Дом требовал ремонта, так что не до поездок на историческую (в прямом смысле) родину отца. Тогда-то Николку и решили здоровья для отправить в пионерла-

⁸ Что услышал — намотай на ус! (удмурт.)

герь Северного флота, что находился на мысу у Геленджика: слева собственно геленджикская бухта и небольшой военный аэродром, справа Голубая бухта, а сам лагерь отделен от городской черты знаменитым винсовхозом «Солнцедар».

Возвратился Николка домой веселым и загорелым, но первые дни в Геленджике оказались для него несчастливymi. Во-первых, когда поезд въехал в Краснодарский край, Николка от жадности купил на остановке сразу три дыни и слопал в один присест. Резко навитаминизированный северный организм сразу покрылся младенческой сыпью, главное же — его пронесло. И не раз (при девушках этот эпизод опускался).

Но самое чудное случилось на второй день лагерной жизни, когда вожатая повела их купаться. По инструкции для заполярных детей первая процедура загорания длилась всего пятнадцать минут. Николка нежился на раскаленном южном солнце, но уже после тихого часа вся кожа приобрела багровый оттенок, температура подскочила до тридцати девяти. Воспитательница, отчитав ни в чем не повинную вожатую, привела врачу. Та покачала головой, выдала воспитательнице растирку и таблетки, велела не выпускать «краснокожего» два дня на улицу. Только в столовую и по тенисной аллее. Собираясь уходить, она еще раз оглянулась на постель с Николкой и с плохо сдерживаемым восторгом воскликнула:

— Смотрите, да у него и пятки обгорели!

...Вот ради этого момента Николай и рассказал детскую историю. Галя восхитилась, а Света, тоже белокожая и субтильная, забеспокоилась и накинула на плечи свой батник.

Из глухого елового леса вблизи Камбарки вышел на поляну Великий Удмурт. Много он повидал за свою почти пятисотлетнюю жизнь: последних золотоордынских ханов, казаков Ермака, «соляных» графов Строгановых. Знаменитый писатель Короленко, защищая обвиненных по мултанскому делу⁹, уговорил жрецов-язычников устроить ему встречу с Великим Удмуртом, а тот клятвенно заверил: человеческого жертвоприношения не было.

Летней лунной ночью он семимильными шагами дошел до Сарапула, остановился на высокой северной его горе, у подножья которой начинался город; неподалеку была установлена мемориальная доска в честь знаменитой сарапульской уроженки, кавалерист-девицы Надежды Дуровой.

Спустившись в старый город, он завернул направо и по пустым улицам вышел на Ижевский тракт, а перед лесом взял левее и остановился перед новым общежитием радиозавода. Только одно окошко первого этажа, рядом с входной дверью, светилось. Великий Удмурт нагнулся со своего трехметрового роста к окну и поверх занавески увидел что-то быстро-быстро пишущего коменданта Леонида Никифоровича.

— *Кырыж син учкыны, кыл йнлаз чечы, сюлмаз из*¹⁰, — проворчал ночной гость и напряг свое острое зрение, но сумел прочитать только заголовок рукописи: «Донос куда следует на практикантов из Т. Виктора Честнина, Александра Демушкина, Дмитрия Прасола и Николая...»

⁹ Мултанское дело, равно как и «дело Бейлиса» — один из громких процессов дореволюционного времени, направленных на дискредитацию неправославных религий. В мултанском деле обвинялись удмуртские язычники, якобы совершавшие человеческие жертвоприношения.

¹⁰ Смотрит косо, на языке мед, а в сердце камень (*удмурт.*).

Дальше читать мешала тень от пишущей руки сочинителя. Погрозив пальцем коменданту, Великий Удмурт отошел влево, поднялся на носках и заглянул в 217-ю комнату. В свете полной луны он хорошо видел лица спящих.

С любовью посмотрел на Даньку, прошептал: «Ты хотел видеть удмурта — вот я и сам пришел». Спящему по стойке смирно, по-армейски (без майки, торс обнажен, руки по швам и поверх одеяла) Витьке Великий Удмурт также по-военному отдал честь. Демушкину он мысленно пообещал подарить национальный струнный инструмент — что-то навряде обычной домры. Долго всматривался в лицо безмятежно спавшего Николая, но так и не придумал: какую приятность сделать? Однако, рассматривая на его тумбочке удмуртский фразеологический словарь, решил подарить любителю раритетов подлинник перевода на удмуртский язык «Марсельезы», сделанный учителем Иваном Шкляевым из Сосновки в 1905 году.

Выдернул Великий Удмурт из дремучей бороды волос — и мигом в его ручищах оказались национальная домра, лист толстой бумаги с «Марсельезой», ящик молдавского портвейна для Даньки и полный мундир национального воина времен крестителя этих мест Стефана Пермского. Неслышно вошел он с подарками в общежитие, поднялся на второй этаж и подошел к двери 217-й комнаты. Дверь заперта, поэтому Великий Удмурт сначала осторожно, а потом все громче и громче застучал. Стук перерос в грохот африканского тамтама, становился невыносимым... и здесь Николай выпал из чудного сна и вовсе проснулся. Забормотали, пробуждаясь, Данька и Демушкин. Только Честнин, человек с недюжинной волей, продолжал трудолюбиво спать.

— Кто там? — хриплым со сна голосом спросил Николай.

— Откройте дверь, — послышался баритон коменданта, — проверка личного состава.

— Черт-те что, — завозмутился Демушкин, — в зоне мы что ли, в лагзаке?

— А санкция прокурора имеется? — включился Данька.

Однако Николай, памятуя наставление Льва Петровича — не связываться с общежитским начальством, поднялся, включил свет и повернул ключ в замке двери. Вошел комендант в неизменной своей военной рубашке, а за ним заспанная кастелянша в белом больничном халате. Вошедшие прошли на середину комнаты, огляделись. А Николай с запоздалым ужасом уставился на белые женские туфли-лодочки, аккуратно — носок к носку, пятка к пятке — стоявшие под кроватью Честнина, несколько выдвинутыми. Мигом вспомнил: Света пожаловалась еще на пляже, что у любимых туфель, причем сразу у обеих, чуть отошли подошвы с носков.

Честнин, подумав, объяснил этот странный факт тем, что владелица туфель, девушка высокая и с гордо поднятой головой, просто обязана постоянно носками натывать на все неровности дороги. Как человек деревенский, то есть знающий все ремесла, включая сапожное, он и вызвался починить. Перед уходом на дежурство в больницу Южного поселка Света и занесла туфли в двести семнадцатую...

И комендант с кастеляншей остановили свои взгляды на туфлях и мирно спящем Честнине. Развернувшись по уставу налево, комендант ринулся к шкафу и торжественно растворил обе его двери. Увы, там стояли только чемоданы, сумки и гитара. А кастелянша, увидев конфуз на-

чальника, и вовсе поочередно заглянула под все кровати. Комендант молча и обиженно вышел из комнаты, а Николай, на правах руководителя попридержав кастеляншу, спросил о причине визита. Та что-то промямлила о распорядке проживания в общежитии, но проговорила невзначай: дескать, Леонид Никифорович видел в окно, как молодые люди из 217-й комнаты входят в общежитие вечером об руку с двумя медичками...

— Однако, это общежитие имени монаха Бертольда Шварца, — пробормотал Данька. Николай выключил свет, а Честнин так и не проснулся. Засыпая, Николай пожелал себе продолжения сна с публичной поркой розгами коменданта могучей дланью Великого Удмурта. Увы, лесной гигант повторно не явился.

На второй день пребывания после пляжа с присоединившейся подружкой Николая Леной пошли ужинать в ближайший от пристани ресторан «Кама»: у Светы и Гали после ночного дежурства сутки были свободными. А Честнин на пляж не ходил, ибо отвел этот день под починку туфель-лодочек и личного самодельного приемника в фанерном корпусе.

Войдя в здание ампирной постройки XIX века, наши друзья застыли в изумленье: это была чуть уменьшенная копия «Яра» с зеркальным потолком и стенами, знакомого по фильмам из купеческой жизни.

— Да-а, — задумчиво протянул Данька, ероша бороду, — однако «Нимфа», тудить ее в качель, кисть дает. Прямо из доисторического материализма!

Но еще больший восторг вызвало принесенное официанткой меню, которое называлось прейскурантом и представляло музейную ценность. Это была папка среднего книжного размера из добротного дерматина с «подкладкой», создающей объем и солидность, с тисненной золотом гостиницей «Украина». Как со временем Николай узнал от официантки, действительно, еще лет двадцать назад их тогдашний директор привез с полсотни таких «прейскурантов» из Москвы: его дядя служил в ресторане «Украины» шеф-поваром и устроил комиссию.

Фотография знаменитой высотки была повторена на первой странице разворота. Композицию дополнил сервированный стол и лихая надпись курсивом: «Большой выбор холодных, горячих закусок и кондитерских изделий». Вторая же страница под названием «Завтраки. Обеды. Ужины» была занята фотографией заполненного трудящимися большого зала ресторана, а на переднем плане тоже за сервированным (но без намека на спиртные напитки!) столом сидела парочка, причем кавалер очень напоминал ведущего актера театра «Ромэн» Николая Сличенко. Столик обслуживала официантка предпенсионного возраста в школьном переднике, с наколкой на голове.

Собственно же меню, напечатанное на машинке на кальке, было вставлено в обложку. Алкогольный и табачный разделы меню имели куртуазные названия: «Только в меру» и «Кто не против». Из местного колорита в меню значились татарские сигареты «Салам», 17 копеек за пачку, и удмуртское блюдо «Тыкмач с мясом» за тридцать две копейки. Однако официантка бальзаковского возраста отсоветовала оживившемуся Даньке заказывать тыкмач, объяснив, что это большой, полукилограммовый беляш с мясной крошкой. После чего, не мудрствуя лукаво, заказали бутылку «Столичной», вина для дам, окрошку, эскалопы, а на закуску язык под майонезом. Официантка их сразу зауважала, поэтому водку принесла в графине и холодную.

Чуть позже появился оркестрик. Гулявшие по соседству за движущимися столиками рыжие татары с конденсаторного завода часто заказывали национальную песню Азона Фаттаха на русском языке «Хороши вечера на Оби».

Ужин прошел весело, возвращались затемно. Их то и дело обгоняли группки татарской молодежи, распевавшей песни, но уже на своем языке. У входа в общежитие их ждал комендант, демонстративно согнув в локте правую руку с часами. Но поскольку до одиннадцати оставалось еще пять минут, то ограничился укоризненным покачиванием головы. В комнате их встретил Честнин с починенными туфлями и самодельным приемником, а также со свежесваренным чаем. Николай же внес коррективу в более ранние указания: водку пить только в «Каме» и «Прикамье», а дома — «тамянку» под кальмары в собственном соку.

Начало третьего дня экспедиции ознаменовалось скандалом, учиненным девицами во главе с коноводом — Надькой из шестьдесят третьей группы, девкой высокой, дерзко красивой, по-деревенски незамысловатой в выражениях. А требовали они ни много ни мало, но прекратить затянувшуюся акклиматизацию, ибо каждый день простая — незаработанные деньги. Чисто женский довод, против которого не попрешь.

Вздыхая и взяв для солидности в качестве адъютанта Честнина, Николай отправился в заводоуправление.

Два дня прошли в оформлении, медкомиссии, технике безопасности и рабочем инструктаже. Из всего этого запомнилось только очередное предупреждение в поликлинике: опасаться туляремии и сифилиса.

Уже в следующее утро коллектив вышел на трудовой подвиг, поделившись примерно пополам: в цеха сборки «Урал-авто» и радиол «Урал-110», что стояла у Николая дома. Технолога цеха, которому Николай не приглянулся расстегнутой до пуза военной рубашкой (как у коменданта), поставил его на самую простую операцию на конвейере: полуавтоматической отверткой четырьмя шурупами прикреплять к днищу деревянного корпуса картонку, закрывающую прямоугольное отверстие, — для доступа при ремонте к шасси.

— Да-а, *каньырма* уз *пöзы*¹¹, — наизусть процитировал Николай в адрес технолога. Тот выпучил глаза, неопределенно махнул рукой и ушел, что-то бормоча насчет излишней учености...

Через четверть часа началась смена; конвейер завибрировал и пополз. Человеку вольнолюбивому, выросшему в местах, где жизнь уже с детских лет заставляет к каждой ситуации подходить обдуманно и не по шаблону, Николаю и в страшном сне не могла присниться работа на конвейере. И вот довелось... Однако не так страшен черт, каким его малюют иконописцы и театральные оформители; работа, по крайней мере, в первый день и до обеда, оказалась неутомительной. Уже через час он вошел в ритм и свел манипуляции руками до минимума: перевернуть коробку приемника, одновременно сняв ее с ленты конвейера; с подставки справа взять картонку с уже просверленными отверстиями в углах, положить ее на днище, далее четыре раза одно и то же: левой рукой взять шуруп и, надавив на шляпку, вставить в отверстие картонки, а правой установить наконечник отвертки в шлиц шурупа и, резко нажав рукоятку вниз до упора, загнать шуруп в днище и заподлицо с поверхностью картонки.

¹¹ Каши мы не сварим (*удмурт.*).

Далее левой рукой отбросить коробку на конвейер. Вот и вся премудрость пресловутой потогонной системы, изобретенной Генри Фордом.

Как скоро сообразил Николай, технолог, не уверенный в способностях умствующего практиканта, поставил его на самую тупую операцию. Попавшего на этот же конвейер Честнина технолог, одоббивший военную выправку и армейскую прическу «полубокс», усадил в самый конец — и по диагонали к Николаю — на операцию, требующую сноровки и навыков (предварительно технолог поинтересовался у Витьки: знакомо ли тому сапожное дело, на что получил утвердительный ответ). Николай, в ожидании очередного, ползущего к нему по конвейеру корпуса, аж любовался работой Честнина. Тот закреплял по внутреннему периметру деревянного корпуса УКВ-антенну, то есть кусок обычного двужильного провода в виниловой изоляции, что электромонтеры именуют «лапшой».

Сапожник держит десяток гвоздиков зажатými губами, доставая рукой по одному и забивая небольшим молоточком, блестящим от постоянной работы. Витькино же рабочее место, как и любое на конвейере, было продумано явно с рабочей смекалкой, а именно: молоток у него был не простой, а магнитный, гвоздики же рассыпаны на особой подставке, покрытой резиной. Витька, не глядя, подсыпал молоток к россыпи гвоздиков, один из них тотчас прилипал шляпкой, а лжесапожник с размаху вгонял его в «лапшу» как раз посередине между проводами. Здесь действительно требовалась сноровка: подцепить именно один гвоздик и именно в середину бойка молотка; далее требовалось попасть в середину «лапши» и загнать гвоздик с одного удара; наконец, провод-антенна пролагалась по трем внутренним поверхностям корпуса и без всякого абриса, то есть на глазок.

Обед в заводской столовой в общем-то не отличался от принятых в родном городе, а равно и по всей стране. Местный же колорит усмотрел Николай только в странной любви рабочих к котлетам с гарниром в виде манной каши... Зато всем практикантам очень понравился фруктовый суп; этого в *T.* отродясь в общепите не наблюдалось.

А еще на Даньку усталилась девица с соседнего столика с откровенно приоткрытыми бедрами и грудями, на что Демушкин голосом Левитана громко сказал: «*Ахтунг, ахтунг, ин люфт люэ!*»¹².

После обеда потянуло в дрему, но и Моисеич, задатчик ритма конвейера, сам снизил темп.

Первый трудовой день всех утомил. Поужинали неизменной «тамянкой» с кальмарами, благо и Света с Галей ушли на ночное дежурство; улеглись на свои кровати, лениво поговорили о том и о сем, потом и вовсе уснули.

Теперь, с высоты жизненного опыта оценивая характер и поведение себя молодого, Николай Андреевич то морщился, то улыбался, подставляя просветленное воспоминаниями о *том лете* лицо под тихие порывы предночного ветерка. Его уже не отвлекали своими медицинскими жалобами сосед-психиатр с приятелем, в очередной раз вышедшие на балкон покурить.

Принято считать: характер человека формируется где-то к совершеннолетию, а раньше хоть кол на голове теши! В том-то и дело, что характер не изменишь, но шлифовать его можно и нужно. Сгладить наиболее

¹² Внимание, внимание, в воздухе сифилис (*нем., лат.*).

острые, точнее, неуклюжие, углы. Таким «юношеским углом» у Николая было стремление поддразнивать в ответ на доставленное ему неудовольствие. Но добро бы это ограничивалось одноразовой контратакой... Увы, здесь сказалась наследственность от калужских старообрядцев-поповцев. Кажется, еще Салтыков-Щедрин, сам человек желчный, писал в том смысле, что язвительнее на язык и мелкие пакости, чем калужский мужик, в России и не найти. Что ж, может, и прав великий сатирик. Это Николай хорошо знал по своему отцу, истинным сыном которого по характеру являлся. Прозвища, которых мало кто из окружающих избегал за глаза от Андреяна Матвеевича, намертво и цепко въедались в адресата. Этим великим искусством даже взрослый Николай Андреевич не смог овладеть. А отец за свое злословие очень даже часто имел неприятности, особенно — судя по его рассказам после стопки-другой — в юные и молодые годы.

Вспоминая сарапульское лето, Николай Андреевич мягко упрекал себя (по принципу: лучше поздно, чем никогда): зачем он дразнил технолога цеха? Ну ладно, поставил он его на попугайную конвейерную операцию... и что? Сам умный, должен понимать: конвейер и есть конвейер, рассчитан на добровольных роботов. Зачем же при каждом появлении технолога, человека занятого и добросовестного трудяги, становиться в позу, ухмыляться, делать вид, что не справляется с операцией, вынуждая ворчать даже добрейшего Моисеича, единственного еврея-рабочего, которого Николай Андреевич и видел в жизни.

Самое же паскудное — он горделиво посматривал на работяг конвейера, восхищавшихся втихомолку молодечеством студента; сами они, как и все рабочие, полагавшие инженерный состав своим классовым врагом, позволить шуток и издевок над технологом не могли: на радиозаводе работа чистая и премия гарантированная...

Вершиной же молодчества Николай полагал случай с кубинской сигарой «*Генри Клей*» — марка, воспетая еще Маяковским. В те благословенные времена вся Советская страна — от Бреста до Петропавловска-Камчатского была завалена драгоценными «гаванами»; Америка и послушная ей Европа сами себя лишили этого атрибута аристократизма и светского лоска, зато любой мальчишка мог, сэкономив на мороженом, купить за сорок копеек того же «Генри Клея», да еще и в индивидуальном алюминиевом цилиндрике с завинчивающейся крышкой! Ради этого цилиндрика и покупали в нем так удобно хранить всякую полезную мелочь, например, неотсыревающие спички в пионерской «Зарнице» или патроны для мелкокалиберной винтовки.

Как-то, уже в середине практики, в пляжном разговоре Света и Галя, как девушки некурящие, поинтересовались технологией курительного дела; медицинские последствия они и сами знали. Николай подробно рассказал про три сорта табака, чем отличается курение папирос-сигарет от трубки, наконец, о специфике сигар, дым которых, ввиду крепости вирджинского табака, сразу не вдыхается, а выдувается из сигары с воздухом, после чего втягивается носом. «Какое-то сексуальное извращение», — фыркнула Галя, а Света заинтересовалась и попросила как-нибудь продемонстрировать *in vivo*¹³, как она выразилась по-медицински, явно рисуясь.

¹³ «В живом» (*лат.*) — термин биомедицины, означающий, что, например, эксперимент выполняется на живом организме.

Эту неделю работали во вторую смену, поэтому «Генри Клея» Николай купил в ставшем родном гастрономе в штучном отделе по дороге на завод, намереваясь показать опыт *in vivo* назавтра. Работа во вторую смену имеет ту особенность, что после восьми вечера уже мало что соображаешь, голова перестает работать за монотонностью конвейера, а потому и выскакивают в ней всякие благоглупости. Совершенно непроизвольно он достал алюминиевый цилиндрок, отвинтил крышку, надкусил кончик сигары и... закурил. Это в цеху с повышенной пожароопасностью? Причём закурил именно в тот момент, когда к конвейеру подошел технолог: бедолага цеховая! Ему под конец месяца, в самую штурмовщину, пришлось торчать в цеху с утра до темноты.

Скандал случился превеликий. На следующий день с ним лично разбирались начальник цеха и вызванный инспектор по охране труда. Николай на все вопросы отвечал весело и глупо. А на предложение продолжить практику в заготовительном цеху, то есть грузчиком, ответил в том смысле, что за месяц, включая неделю простоя цеха в начале июля (обычное явление), он уже хорошо изучил техпроцессы изготовления бытовой радиоаппаратуры. Поэтому на заводе ему больше делать нечего, а у него, как старшего по группе практикантов, и так дел хватает. «Вольному воля», — с облегчением закончил нудную воспитательную беседу начальник.

— *Сьёд когыш кустытйзы потйз*¹⁴, — вместо слов прощания сказал Николай, успехи которого в удмуртском языке росли пропорционально трудовым неудачам. Природа не терпит пустоты; так некогда сказал, как припечатал, философ Лейбниц.

Перестав ходить на завод, Николай вовсе не остался в сугубом одиночестве. Медички, с их сложной системой дежурств, замещений и прочей специфики здравоохранительного дела, постоянно были на виду. А четкая односменная работа их группы уже через пару недель практики перешла в общецеховые простои в начале месяца, пересменки, включая ночную с двумя отгулами. Можно было и просто день-другой «заколоть» без последствий. Только на зарплате и премиальных это и сказывалось. Так что всегда можно было найти компаньонов на пляж, пообедать и поужинать в «Каме», реже — в «Прикамье», типовом ресторане с обычным меню в стандартных пластифицированных обложках.

Понятно, юность время чего: любви, конечно. Но то лето запомнилось Николаю Андреяновичу более как пора всеобщей влюбленности; может, потому, что в группе имелись три давно состоявшиеся пары, включая Николая с Леной, и неожиданно вновь образовавшуюся: Генка Новомиров и старшая его на три года Марина Петракова; родом из Брянска, она три года проработала на тамошнем приборном заводе и теперь училась по направлению.

Что касается Светы и Гали, то первая, девица меланхоличная, даром что из соседней Свердловской области, была тяжела на подъем, даже чувственный, а Галя как избрала роль экс-удмуртки при Даньке, так и осталась общим другом 217-й комнаты. Свои дела были у остальных обитателей общегития имени монаха Бертольда Шварца... Может, Светке с Галкой и приснилось на очередном ночном дежурстве в больнице Южного поселка, но именно они принесли глухую весть: приезжал из Ижевска

¹⁴ Между нами черная кошка пробежала (*удмурт.*).

женых Альфи, тоже татарских княжеских кровей и мастер спорта по боксу, запирался на час с комендантом в его комнате. Следов каких-либо кулачных действий на лице Леонида Никифоровича не наблюдалось, но почти целую неделю никто от него и слова худого не слышал.

Правда это или досужий женский вымысел, но неудивительно, что пряная духота жаркого июля и не менее знойного начала августа при обилии красивых девушек могли хоть на короткое время, но окутать флюидами растекшейся по общежитию всеобщей влюбленности и сурового его настоятеля.

«*Кыль гозы чичиз, кылысь — адзись öвöl; киндлы волы эн сёты*»¹⁵, — зачитал из своего замечательного словаря Николай после обсуждения принесенной девушками ошеломительной новости.

Надо отметить, что событие это обсуждалось за обедом в «Прикамье», причем молодая официантка-татарка с подозрением выслушала цитату (книжку удобного формата Николай брал с собой для пляжных бесед). Сидевшие за соседним столиком Петька-комсорг со своей Натальей, тоже из Брянска, подругой Марины Петраковой, в этот момент с чувством выпил рюмку водки и начал закусывать творогом, нахваливая его почти деревенское качество, а Наталья пояснила заинтересовавшемуся Даньке, что у ее друга от жаркой погоды начало побаливать сердце, ходил в заводскую поликлинику, а тамошний доктор рекомендовал налегать на творог, вот она ему и заказала на закуску... Истинно сказано кем-то мудрым: в жизни такое случается, что никакой фантаст придумать не сможет.

Через неделю комендант жаркой летней ночью застучал на третьем этаже в самовольно открытых комнатах сразу две парочки во грехе — из кировских.

Парочка Сереги Петлицына и Галки Селиверстовой изустно полагалась самой стабильной и хозяйственной. Планируя скорую свадьбу, они в первую же неделю сарапульского сидения купили дефицитный в Т. эмалированный таз для готовки варенья — диаметром с тележное колесо. Они и поселились сразу в комнате сам-двое, хотя и не были официально зарегистрированы. На такое вопиющее нарушение социалистической нравственности комендант пошел, проникнувшись уважением к солидному молодому человеку, тем более что Серега продемонстрировал ему выданное в ЗАГСе города Т., куда они с Галкой подали заявление перед отъездом в Сарапул, приглашение в магазин «Салон для новобрачных». Документ для коменданта почти что закон; он лично вручил сладкой парочке ключ от индивидуальной комнаты, но осторожности для в книге постояльцев расписал их по другим, однополым номерам.

Пара эта производила трогательное впечатление: словно голубки, они даже в тесной компании умудрялись уединиться и ворковать о чем-то глубоко хозяйственном — может, мечтали о грядущей покупке коровы. Дерзкая красотка Надька из шестьдесят третьей группы, по-деревенски мудрая, как-то публично отозвалась о столь нежной дружбе-любви:

— Добром такое не кончается; первыми поженятся, но первыми же и разводятся!

Как в воду глядела: прожили они вместе всего три года, а потом уже по-настоящему устроили — каждый по отдельности — свою жизнь.

...Где-то с месяц назад Николай Андреянович и Данька, уже два де-

¹⁵ Слов нет и нет свидетелей ее, но рукам воли не давай (*удмурт.*).

сидятка лет работающие в одном отделе НПО «Меткомя», в пятницу ушли с работы пополудни и поехали с тремя пересадками через весь город в гости к Демушкину — по предварительному сговору, но... потерпели полное фиаско; еще в предпоследнем троллейбусе их по мобильному нашел Сашка и огорчил: дескать, дико извиняюсь, но живем как на вулкане, внезапно прибыл из Москвы шеф, которого ожидали только в понедельник, и велел срочно, на четверть часа заехав домой, мчаться на полигон в Нижегородскую область.

Наши друзья даже особо и не огорчились, понимая, что Демушкин сейчас третий по счету, начиная от директора, человек в своем НИИ, одним из немногих, оставшихся в Т. «на плаву» в наше героическое время, а потому сам себе не принадлежит... Поэтому из троллейбуса в нужном было месте выходить не стали, а проехали до Южного рынка, где и посидели за бутылочкой немировской перцовки (она и в жару хорошо пьется) в кафе «Марина», что на территории этого учреждения торговли. Уже на выходе они столкнулись с толстым гражданским в тельняшке и адидасовских шароварах. Гражданин этот волочил малоподъемную торговую сумку в мелкую клеточку и окликнул их, назвав по именам. Это был Петлицын, как скоро выяснилось, державший на Южном и еще на одном рынке пару ларьков по продаже женских спортивных костюмов китайской фабрикации. Сожалел, что за занятостью бизнесом не сможет поддержать их компанию.

По заведенной традиции сборочные цеха ширпотреба, то есть гражданской продукции, первую неделю-полторы простаивали. Основным рабочим на это время работа всегда находилась, на то и завод, с его огромным хозяйством. А практиканты могли и вовсе не появляться; правда, полную месячную зарплату и премию им платили только в случае, если все остальные дни они работали, не отказываясь от вечерних и ночных смен, а также штурмовщины в конце месяца.

Еще в первый простой, в начале июля, девушки из группы Николая собрались в самопальную экскурсию в Ижевск. Соседи по комнате категорически отказались ехать куда-либо, исключая камский пляж. Николаю же деваться было некуда: Лена тоже ехала.

Ранним утром, заставив однокамерников повторить клятву — дома водку не потреблять, только «тамянку» вечером, дождавшись старшего, то есть его, Николай вышел из общежития, дожидаясь девушек. В рейсовый автобус они сели неподалеку, на Ижевском тракте. Пятьдесят километров одолели скоро, но после антикварно-музейного Сарапула столица местной республики впечатления на Николая не произвела: типичный областной город современной постройки, только на главной улице вместо обкома громоздится «сталинский» дом автономного совета министров, а рядом — и еще величественнее — здание республиканского КГБ.

Еще запомнился пятнадцатикилометровый пруд при заводе «Ижевсксталь» и ресторан, где официантка, подавая их компании глиняные горшочки с национальным блюдом, облила соусом его белые джентльменские брюки. Для ликвидации конфуза она же принесла за счет заведения маленький графинчик водки. Пятно, конечно, до конца не оттерлось, а остаток Николай выпил.

Не понравилась ему и местная минералка из радоновых источников, впрочем, и местные ее называли «минеральная вода из ижевского пруда». Но окончательно он расстроился, вернувшись с экскурсии в родное общежитие: в 217-й комнате Честнин спал по стойке «смирно», а Данька и

Демушкин расписывали пульку преферанса в самом веселом настроении. Над столом висела подвешенная на тонкой бечевке к потолочному плафону пустая бутылка из-под калгановой водки с плакатиком: «Каемся, ибо грешны».

Николай перестал брюзжать только когда карточная партия завершилась, а Демушкин достал из шкафа две «тамянки» и три банки кальмаров. Позвали свободных от дежурства Свету и Галю; до темноты дружно ругали Ижевск, благо никому он родным городом не являлся.

Но главный сюрприз ждал Николая до самого отбоя заполночь: Данька презентовал ему овальную табличку с тисненым изображением пожимающих друг друга рук и надписями, тоже вытисненными: «*Россійскій Союзъ обществъ. Городское общество взаимнаго отъ огня страхованія*». Табличка была сфабрикована из нетленной обмедненной жести и за сто лет висения под козырьком дома ни дожди, ни снега, ни революции и контрреволюции, ни бойцы азинской дивизии и колчаковцы, — никто и ничто не оставили следа на этой табличке.

Такие дореволюционные страховочные таблички Николай раза два видел на покосившихся деревянных домишках Носковской слободы в Т., но здесь-то труднее было найти дом без них. Уже и у Демушкина с Честным имелись таблички, а Данька и вовсе обладал раритетом — табличкой ромбической формы с датой «1799 годъ». Понятно, что Данька с Демушкиным таблички срывали по темному времени на память о городе, а Честнин, не поступаясь принципами, купил ее за трояк у какого-то деда, самолично и снявшего табличку со своей халупы. Вот и у Николая появилась...

Как-то с инспекцией в общежитие явился профсоюзник с завода. Увидев в 217-й комнате таблички над кроватями, слегка пожурил: дескать, вам побаловаться, а город без них теряет свой колорит. Николай заверил, что таблички для них будут нетленной, как их металл, памятью о замечательном городе на Каме. Комендант находился в свите, но промолчал.

Во второй, августовский, простой, когда Николай уже перестал ходить на завод, по инициативе комсорга сборочного цеха ширпотреба организовали пикник с ночевкой и рыбалкой на противоположном камском берегу. Света и Галя по графику ушли на суточное дежурство, сожалея. Профком провел это как плановое мероприятие по сдружению молодых рабочих и студентов-практикантов, то есть все оплатил (кроме водки и вина для девушек). Поэтому приняли участие почти все из приезжей группы за исключением Честнина, не любившего пикников на природе, и Генки Новомирова с Мариной Петраковой — их любовь вошла в апофеоз и требовала полного уединения. Опустевшие почти на двое суток комнаты этому способствовали.

Рейсовый катер перевез смешанную команду через Каму, левее пляжного острова, к пристани Борок. Из строений на пристани имелся только ларек с подачей пива. Далее заводские комсомольцы повели им ведомым маршрутом на лесистый островок, образованный двумя небольшими протоками. Петлицын с Галкой Селиверстовой, опасаясь укусов ондатр с бактериями туляремии, загодя купили резиновые сапоги, как незаменимые в планируемом семейном хозяйстве.

Поставили четыре палатки; перегородив узкий проток сетью, поймали несколько приличных щук, причем одна из них укусила любопытствующему Петлицыну палец. Местные успокоили: рыбы туляремию не раз-

носят. Под уху и водку, две гитары — Демущкина и заводского комсомольца (впрочем, исключенного за неплатеж взносов) — сидели у костра почти до утра. К вечеру следующего дня вернулись все довольные, кроме Петлицына с Галкой, озабоченных укусом щуки. В 217-й комнате Честнин играл в подкидного с медичками. На столе настаивался свежесваренный чай и лежала объемистая бандероль на имя Демущкина. Это были присланные по его требованию из Т. подарочные пряники в коробках для угощения Светы и Гали.

Пока готовили нехитрый ужин (успели-таки перед самым закрытием магазина запастись «тамянкой»), Николай, радуя о своих подопечных, попросил Галю сходить в семейный номер Петлицыных и успокоить укушенного щукой. Светка по этому поводу рассказала пару профессиональных анекдотов. За ужином и чаепитием с медовыми пряниками Честнин доложил обстановку за прошедшие сутки с половиной. Комендант на их половину не заходил, поскольку был занят разборкой с кировскими; на их заводе тоже случился простой, а вятские ребята устроили в общежитии пьянку с нецензурными высказываниями в адрес коменданта.

Город — это большой коллектив, а всякий коллектив должен иметь определенный джентльменский набор. Во-первых, должны наличествовать самый умный и наиболее глупый; во-вторых, необходим свой расходчик, и так далее. Кого-то можно и исключить из обязательного набора, но без своего сумасшедшего коллектив все одно, что свадьба без драки. И наоборот, каждый коллектив имеет свое обобщенное «индивидуальное лицо», на котором душевнобольной есть самое заметное пятно.

В Сарапуле, как и во всяком провинциальном районном городе, сумасшедших имелось ровно столько, сколько их положено по статистике, то есть достаточно, но не во вред рядовому жителю.

Николай в солнечную погоду всегда носил темные очки; не потому, что форсил, а просто глаза плохо переносили яркий свет. Как он понимал — еще на Севере понизил порог чувствительности глаз, ослепляя их зимой отраженными от снега лучами низкого солнца. Кстати, именно поэтому коренные северные народы, даже не относящиеся к желтой расе, имеют привычку щурить глаза.

С тем большим изумлением он очень скоро понял: в Сарапуле преобладают небуйные сумасшедшие-проповедники с выраженной неприязнью к людям в солнцезащитных очках. Причем все они были женщинами возраста неопределенного, но выше среднего, в поношенной, но аккуратно отремонтированной одежде. Обычно такие сумасшедшие кричали вслед Николаю или Даньке: «Молодой человек! Сними черные очки, освободи душу и посмотри на природу!»

Другая категория скорбных душой, тоже женская, заиклилась на модной в городе санитарной идее. Идет, например, Николай в сопровождении Лены и еще пары девушек-сокурсниц, а навстречу — старушка в гимназическом платье с ветхим кружевным воротником. Разворачивается старая и тихо-молча идет за молодежью. Оставил Николай девушек в сквере, а сам на пару минут отлучился: в кассу кинотеатра билеты на фильм купить. А старушка шаст к девицам и скороговоркой: «Опасайтесь, девочки, этого молодца в темных очках и белых штанах. Он всех вас сожрет, сифилисом и туляремией заразит...» И так далее в этом же роде.

Как и в любом другом месте, не следует путать тихих сумасшедших с нищими, от скуки профессии разговаривающих сами с собою. В Сара-

плу же наиболее известным нищим являлся старый татарин Ахмет, что день-деньской сидел на перекрестке напротив старинного, в купеческом стиле изукрашенного здания средней школы № 18. Это был сухонький старичок с аккуратной белесой бородкой и в полном татарском мундире: тюбетейка, полосатый халат, полосатые же ситцевые шаровары, заправленные в козловые сапожки. На коленях он держал национальную то ли домру, а может, и балалайку, тихо наигрывал на ней и пел хотя и старчески надтреснутым, но не без стройности голосом бесконечную песнь, должно быть, о красавице Новруз и ее возлюбленном батыре. Содержание поэмы Николаю перевела красавица Альфия, с которой, памятуя приезд ее батыра из Ижевска для беседы с комендантом, все ребята старались разговаривать при свидетелях...

Остальные нищие колоритом народ не баловали, но просили на хлеб насущный, набирая за трудовой день на полбидончика разливухи.

...По понятной ассоциации Николай Андреевич попытался вспомнить: а были ли в городе церкви и мечети? Но память о культовых сооружениях отсутствовала. Муэдзины на минаретах точно не призывали к полуденной молитве правоверных, а колокольный звон не плыл над православным старым городом.

«Вот и кончилось лето...» Всякий раз, слыша эту популярную песенку, Николай Андреевич тотчас вспомнил об августе того чудесного лета юности. Предвестником его окончания был Лев Петрович, приехавший для завершения дел с практикой этого года. Но разлад налаженной симфонии уже ощущался. Уехали медички. И хотя Галю и Свету с нетерпением ожидали на укороченные каникулы их папы-мамы и подруги юности в Сыктывкаре и городке Красноуфимске на границе Пермской и Свердловской областей, соответственно, но они плакали, расставаясь с новообретенными друзьями. Именно тогда Николай понял и по достоинству оценил женскую мудрость: не создавай себе ненужные печали, то есть не любяйся на росстанях. Где-то вы сейчас, добрые феи 217-й комнаты?

Незаметно, даже без прощального скандала с комендантом, умчались в свой Киров и лихие вятские парни. Общежитие пустело на глазах. Даже комендант Леонид Никифорович как-то погрустнел. Его понять было несложно: заканчивалась короткая, почти армейская власть над студентами, хотя и горлопанами порой, но все же людьми воспитанными. А через неполный месяц повторная комиссия примет здание, которое тотчас заселят двумя сотнями работяг, приехавших из окрестных деревень бывших петэушников, среди которых половина татар, да еще и семейные с вечно кричащими детьми... Такой бешбармак начнется, что летние практиканты будут вспоминаться едва не со слезами умиления. Все познается в сравнении.

Следы распада стройной системы явно прослеживались и на самой 217-й комнате. Предвестие было пугающим: в «домашнем» гастрономе закончились запасы «тамянки» и кальмаров. «Все студенты поели-попили, — разведала руками настоятельница штучного отдела, — теперь буду знать, какой товар заказывать на базе к следующему лету».

За неделю до окончания практики Честнин и потенциальные супруги Петлицыны, досрочно выполнив производственный план, уехали. Витька торопился к своей агрономше. В последующие дни еще нескольких девиц провожали до вокзала. На два дня раньше, но не в Т., а в Крым убыл и Данька: доканчивать летний отдых с родителями и младшей сес-

трой. Провожали его с калгановой водкой, махнув на все самозапреты и ограничения.

Оставшиеся выехали, провожаемые Львом Петровичем и парой Новомиров-Петракова, проходящим через Сарапул поездом «Свердловск-Москва». Генка с Мариной оставались, якобы для помощи Льву Петровичу в доставке в *T.* выделенных заводом институту различных радиоматериалов, но был другой, угадываемый по их умиротворенным лицам умысел.

Возвращались из экспедиции скучно, даже Демушкину не пелось под три аккорда. Оставшиеся из мужского населения Петлицын и Петька Старокрещенов ввиду опекуинства своих подруг компанию им не составили. В Москве их коллектив еще уменьшился: Петька-комсорг, его Наталья и Надька из шестидесят третьей группы распрощались до первого сентября и прямыми поездами, минуя *T.*, разъехались по домам завершать лето.

Еще кто-то, включая Демушкина и Петлицыных, остались на день-другой в столице — отдать долг вежливости московским родственникам. Так что возвращался Николай в *T.* скучной вечерней электричкой один в компании пяти девиц. Как Наполеон после Березины...

После Серпухова сонная электричка, раскачиваясь вагонами на стыках рельсов, мчалась уже в сплошной тьме. Николай вышел в очередной раз в тамбур покурить. Только сейчас он почувствовал, как он устал за эти два месяца, но устал именно от праздника юной жизни. И вспомнились печальные слова Остапа Бендера о топленом молоке и одеколонном запахе сена: *«Всегда думаешь: «Это я еще успею. Еще много будет в моей жизни молока и сена». А на самом деле никогда этого больше не будет. Так и знайте: это была лучшая ночь в нашей жизни...»*

Он вернулся в дремлющий вагон, но сон к нему не приставал. А будет ли еще в жизни молоко и сено?

После возвращения домой, оставшиеся полмесяца «усеченных каникул» Николай провел с Леной — в буквальном смысле: с утра они встречались и ехали на ее дачу; затемно возвращались и прощались до утра. За исключением воскресенья, когда там находились ее родители.

Хотя они сдружились еще на первом курсе, но только сейчас, разбуженная необыкновенным летом, чувственность овладела ими. Николай и Лена вперемежку радовались и пугались открывшейся безудержной близости; она постепенно выдавливала из их душ инфантилизм, остаточную детскость уже взрослых людей, но запоздалое детство-юность так просто не сдавались: порой они начинали стыдиться слишком откровенных отношений уже мужчины и женщины. Очевидно, это бывает у любого человека; впоследствии умничающий Николай даже нашел соответствующую латинскую цитату: *«После совокупления всякий зверь печален»*. Значит, это биологическое ощущение, но многожды усиленное в человеке мыслящем... И уже совсем взрослый Николай Андреевич нашел более емкое объяснение: это тоска по утраченному идеалу; все вроде как сбылось, пришла хоть и приятная, но — обыденность. Значит, вершина любви уже пройдена. А будет ли следующая? Словом, *лето юности минувшей*.

...И первые две недели начавшегося учебного года — сплошь оживленные, живые еще в конкретной памяти воспоминания о чудесном лете в слегка нелепом, но полюбившемся городе на Каме. Лев Петрович, встретив в коридоре Николая в первый же учебный день, заулыбался и зазвал в пустую преподавательскую, осведомился о житье-бытье, потом и вовсе всхотнул, сверкнув двумя рядами ранних золотых зубов:

— Вот, Николай, почитай характеристику на тебя по практике.

Характеристика оказалась написанной под расстрельную статью: сигара «Генри Клей», грубость и неподчинение цеховому начальству, самовольное оставление работы по неосновательным причинам... Чувствовалась и рука коменданта: нарушение режима проживания в общежитии, потребление спиртных напитков, словесное хулиганство, предметы женской одежды в комнате. Чувствовалось, что Леонид Никифорович решил повесить на старшего по практике всех мелких собачат двухмесячного проживания на стар.

— Ну-у, и что теперь мне будет? — спросил предательски задрожавшим голосом Николай.

— А ничего не будет; бумаги эти у меня остаются, а я в сектор практики только итоговую ведомость сдаю с оценками; там же и твоя пятерка будет, причем — заслуженная, ибо никаких происшествий в группе на этот раз не было, а значит, это заслуга старшего. И мне никаких хлопот и нагоняев. Ведь до вас каждое лето что-нибудь случалось: то кто-то попадется на попытке вынести «Урал-авто», кто в общежитии, тогда еще другом, старом, пьяную драку с местными работягами устроит. По женской части постоянно что-то случалось. Так что забудь о технологе, «Генри Клее» и коменданте, а декан уже готовит приказ по итогам практики, так там и тебе благодарность!

Николай в некоторой растерянности побрел по коридору. Слушая наставника, он особо отметил про себя упоминание об «Урал-авто». Лев Петрович как-то сам ненавязчиво рассказывал о технологии выноса этих дефицитных приемников, несколько даже огорчился, не встретив у постояльцев 217-й комнаты интереса. А почти все их девицы, сидевшие на конвейере по сборке микроприемников «Космос» и размером со спичечный коробок «Рубинов», завлеклись этими игрушками, явно не заходя в магазин «Радиотовары» на улице Фурманова...

Про аборигенов же камского города даже говорить было неприлично, что они хоть раз были в этом магазине, хотя на пляже в погожий день сотни этих «Урал-авто» веселили народ бодрыми песнями. Политэкономика социализма — наука эмпирическая.

Зря Лев Петрович ознакомил старосту-отличника с заводской характеристикой, особенно в части реприз, явно подсказанных комендантом. Слегка уже затихшая неприязнь к добрейшему Леониду Никифоровичу вновь всплыла в душе Николая. А отсюда последовали и многие неприятности, от которых взросло, самодостаточного человека хватил бы инфаркт, но для Николая это обернулось всего несколькими днями малоприятных ощущений, причем, как вроде бы он стоял от этих неприятностей поодаль.

Мысли от лукавого материализуются скоро и без излишних усилий со стороны исполнителя. На первой же лекции после беседы с куратором этот самый бес подкинул в портфель Николая обычную трехкопеечную почтовую карточку без всяких глупых картинок. Текст на обороте карточки тоже сочинился сам собой: «Глубокоуважаемый Леонид Никифорович! Как гласит удмуртская мудрость: «*Ос но зукыртэ, нош сое кылзйсь өвөл*»¹⁶. Перевод не приводим, учитывая Ваш высокий уровень в области языкознания. Тем не менее, сегодня, в День знаний, Вы тоже

¹⁶ Дверь скрипит, и никто не слушает ее (удмурт.).

сидите за партой, освещая в памяти профессиональные навыки пользования общественными туалетами».

Николай с удовольствием расписался и пустил открытку по рядам. К нему она вернулась покрытая росписями-росчерками. И хотя он прекрасно помнил адрес общежития, даже почтовый индекс, но нарочно адресовал на радиозавод, коменданту общежития имярек. Мстительно усмехнулся: все заводское начальство прочитает!

Открытку он бросил в почтовый ящик после занятий по пути в парк, куда он с Данькой и комсоргом Петькой Старокрещеновым шел пить пиво на открытой веранде. За пивом Данька посоветовал в следующий раз открытку слать именно на адрес общежития:

— ...Понимаешь, заводскому начальству на все плевать, у них головы промтехфинпланом забиты, а открытку коменданту лично где-нибудь в отделе кадров или на хозяйственной планерке отдадут. А в общаге она полдня на вахте проваляется: сколько за это времени любопытных баб, особенно из подчиненных коменданта, прочтут и посплетничают? Вот это будет кайф!

— Это ты хорошо придумал, а вот Честнин все пугает: дескать, дурной оборот может дело принять, отставники любят и умеют жаловаться...

— В небо пальцем Витька попал! Открытки коллективом подписаны, против коллектива отдельная личность, даже бывший полковник, правового статуса не имеет. Так мой папаша-прокурор говорит. Даже, в крайнем случае, ответственность поделится на двадцать душ, а это значит, что на каждого придется не более устного замечания от факультетского комсорга, коллеги и приятеля Петьки Старокрещенова. Так что не дрейфь, староста! Заграница нам поможет, а тайна вкладов обеспечена.

В начале осени в руки Николая случайно попал номер журнала «Наука и религия» с календарем мусульманских праздников, поэтому на Байрам в январе месяце в Сарапул полетело соответствующее поздравление. С Днем Советской армии и Военно-морского флота коменданта не поздравили принципиально, зато к 8 Марта отправили телеграмму на художественном бланке. Ко Дню же Парижской коммуны Леонид Никифорович, как «выдающийся языковед и знаток южнославянских языков», как гласила надпись на обороте обложки, получил бандеролью «Краткий русско-македонско-сербско-хорватский словарь». Это сугубо научное издание Николаю по ошибке (заказывал совершенно другую книгу) прислала московская «Книга — почтой».

Наступила весна, их предпоследняя студенческая весна — время свадеб для устойчиво сложившихся пар. Про коменданта забыли, а потом шутка, даже всего лишь дважды повторенная, теряет остроту.

Когда взрослый человек шалит с (чужими) детьми, то это обычно извращение, и подпадает под уголовную статью. Вроде как Майкл Джексон в новейшие времена. А вот когда дети шалят со взрослым, то это и воспринимается как шалость, шутка — в худшем случае, неудачная; за это даже не секут розгами. Но вот обидные шутки с мелкими начальниками со стороны здоровенных парней и девок, но разумом еще не вышедших из детства, хотя и не подпадают под уголовные уложения, но наказываются в общественном порядке. Словом, развязка истории с комендантом случилась почти ровно через год после прощальной отсылки Леониду Никифоровичу македонского словаря. Наказание же тем страшнее, чем меньше его ожидаешь.

В начале марта месяца пятикурсник Николай завершал более чем квартальную преддипломную практику на Загорском оптико-механическом заводе. И когда до окончания практики оставалась пара недель, в конструкторском отделе зазвонил телефон, и начальник поманил к себе Николая:

— Тебя срочно требуют в отдел кадров; какая-то телеграмма из твоего института — вызывают; так что, если двумя днями обернешься, я распоряджусь табельнице поставить рабочие дни. Успехов!

Текст телеграммы ничего нового не сообщил: практиканту такому-то срочно прибыть в университет в распоряжение сектора практики. Николай пожал плечами, но уже к ночи был дома, а наутро отправился в главный корпус института.

В секторе практики неизменный отставник, услышав фамилию Николая, посуровел лицом, набрал телефонный номер и сообщил некоей Марии Геннадьевне, что *провинившийся* прибыл, после чего сухо велел Николаю идти к ректору. Николай, как говорится, похолодел до низа живота и понял причину переполоха. Однако, спускаясь с третьего этажа на второй и памятуя слова Даньки о коллективности ответственности, рассчитывал на нагоняй лишь как старший в этом коллективе.

Увы, недооценил он коменданта-отставника, свору собак съевшего на полукриминальной интендантской должности. Ректор метал громы и молнии, а вопрос об отчислении полагался уже решенным, даже если речь и шла о допроснике, старосте и почти отличнике. Николай, воспользовавшись паузой, попытался объяснить *коллективный* протест не совсем адекватным поведением коменданта, но ректор и слушать не хотел:

— Какой коллектив? Многократно оскорбленный вами Леонид Никифорович, участник войны, орденосец, заслуженный человек, ни о каком коллективе не пишет. Наоборот, группу практикантов он хвалит, а вот их старшего — наоборот. И почерк на всех этих гнусных открытках ваш: он сличал в отделе кадров с заявлениями о приеме на временную работу и в присутствии свидетелей однозначно установил ваш почерк!

Как уже позже сообразил Николай, даже без особых юридических оснований его действительно могли отчислить, но для этого требовался большой шум, в том числе и публикация фельетона в областной газете, возмущенные письма братьев коменданта по боевым походам и так далее. Но ректор только что получил этот пост, а перед этим целый год провёл в США, стажирясь по электрохимии, и вообще четко планировал перспективу (забегая вперед, отметим, что со временем он действительно стал замминистра высшего образования РСФСР). Зачатки благоприобретенного американского либерализма и понимания того, что озаглавить вступление в должность публичным скандалом — это некомильфо, сыграли на руку провинившемуся, поэтому Николаю было велено идти к проректору по учебной работе.

И здесь ему повезло: от душевного и нервного напряжения при ректорском нагоняе у Николая внезапно заболел зуб, а проректор сам с утра раздумывал: сейчас идти в поликлинику по случаю со вчерашнего вечера воспалившегося коренного зуба или подождать до полудня? Узрев в напуганном студенте коллегу по несчастью, проректор повторил основные тезисы своего патрона и велел идти к парторгу института, справедливо решив, что по части собственно учебы у Николая нареканий нет, а внеучебные прегрешения — по линии парткома и профкома.

И с парторгом ему повезло: тот оказался из бывших военных зампо-

литов, но из числа тех несчастных, которых Никита Хрущев уволил со службы при знаменитом сокращении армии, оставив без пенсии. Понятно, что самыми лютыми врагами этих жертв демилитаризации стали отставники настоящие, то есть выслужившие чин и полную пенсию.

Поэтому парторг только внимательно слушал Николая, подробно расспрашивал о причинах такой нелюбви *коллектива* к сарапульскому коменданту. Даже пару раз злорадно улыбнулся, слушая исповедь практиканта. Вяло что-то сказав про общую дисциплину и почтение к старшим, парторг отослал штрафника в институтский комитет комсомола, вполне резонно заметив, что раз он не *член нашей партии*, а комсомолец, то пусть товарищи по организации с ним и разбираются.

Из всех бесед за этот день самые неприятные впечатления Николай сохранил о секретаре институтского комсомола, отъявленном прохиндее и карьеристе. Впрочем, главный институтский комсомолец не имел права решать вопрос об отчислении, потому, призвав не позорить своим членством в ВЛКСМ святые имена юных революционеров, гневно выпроводил Николая в факультетский комитет. А там его уже поджидал приятель Петька Старокрещенов (тамбовский земляк, с которым они два курса жили в одной комнате в общежитии), который и предложил завершить тягостную историю в парковой «стекляшке» за стаканом-другим портвейна...

Николай Андреянович докуривал последнюю за этот день сигарету. Совершенно стемнело, даже неугомонные бабки покинули лавки у подъезда и разошлись по квартирам. И, судя по погасшим окнам, у соседа-психиатра гостьба завершилась. И у Николая Андреяновича тоже все улеглось спать, телевизор выключили. Только кот, привыкший укладываться на ночь последним, вышел, сонно щурясь, на балкон и недовольно посмотрел на хозяина.

«Сейчас, сейчас, вот только докурю», — успокоил его Николай Андреянович.

В парковом отдалении грохотали большие китайские барабаны — почему-то ему они представлялись именно китайскими, хотя представители Поднебесной еще только начали заселять Россию... Доносилось веселье с припаркованной площади. А перед глазами Николая Андреяновича в заходящем солнце того чудесного лета в быстром хороводе промелькнули явственно различимые и сейчас, тридцать с лишним лет спустя, лица: бородатый Данька и Демускин, поющий под три аккорда про двух капитанов КГБ, Честнин с прической полубокс, красавица-княжна Альфия, подружки Света и Галя, цвет «женской» шестьдесят первой группы, комсорг Петька Старокрещенов, закусывающий в «Прикамье» водку творогом, как врач прописал. И все остальные; даже комендант Леонид Никифорович, по прошествии многих лет вспоминаемый почти с теплотой: кто без греха, тот пусть первый бросит камень...

Николай Андреянович глубоко вздохнул и пошел спать, оставив дверь на балкон открытой; его место занял кот, летом спавший на свежем ночном воздухе здоровья и оптимизма для.

Засыпая, вспомнил он по понятной ассоциации слова Ивана Шмелева из недавно прочитанного «Лета Господня» в том смысле, что холодно зимой в России... а тепло! И он переиначил эти пронзительные слова: много было дурости в стране СССР, а жилось-то уютно.